

М. Р. Кэри

Дары Пандоры

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Кэри М. Р.

Дары Пандоры / М. Р. Кэри — «Эксмо», 2014

Мелани – совершенно особенная девочка. Каждое утро она послушно ждет, пока солдаты заберут ее из комнаты. Приковывая ее к креслу и держа на мушке, солдаты дрожат от страха. Мелани шутит: «Я не кусаюсь», но никто не смеется. Только в этом мире, где население Бирмингема равно нулю, где зубы – оружие страшнее ружья, 10-летняя девочка способна наводить ужас на потрепанных жизнью солдат. Она же просто ребенок... или нет? Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Кэри М. Р., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

1	6
2	12
3	15
4	18
5	19
6	21
7	24
8	26
9	28
10	36
11	38
12	39
13	45
14	48
15	49
16	51
17	54
18	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

М. Р. Кэри Дары Пандоры

M. R. Carey
THE GIRL WITH ALL THE GIFTS
Copyright © 2014 by M. R. Carey

© А. Доля, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, ООО «Издательство «Эксмо», 2016

1

Хотя новые дети давно уже перестали появляться. Мелани не знает почему. Раньше их было много; детские голоса прорезали ночную тишину почти каждую неделю. Еле слышно раздавались приказы, просьбы, иногда проклятья, затем дверь камеры захлопывалась. Спустя где-то месяц или два в классе появлялся новый ученик, мальчик или девочка, который даже не умел разговаривать. Хотя схватывал все на лету.

Мелани сама когда-то была новенькой, но сейчас уже не может почти ничего вспомнить, так как это было очень давно, еще до появления слов; одни вещи без имен, а они быстро забываются, вываливаются из твоей головы и исчезают.

Сейчас ей десять, и кожа у нее точь-в-точь как у принцессы из сказки, белая как снег. Она знает, что когда вырастет, станет очень красивой и принцы будут драться за право спасти ее из замка.

Если, конечно, у нее будет замок.

Сейчас у нее есть камера, коридор, учебный класс и душевая.

Камера маленькая и квадратная. В ней стоят кровать, стул и стол. На серых стенах висят две картины: на большой изображены тропические леса Амазонки, на той, что поменьше, – котенок, пьющий из блюдца. Иногда сержант и его люди переселяют детей из одной камеры в другую, поэтому Мелани знает, что в разных камерах висят разные картины. Раньше она видела лошадь на лугу и гору с заснеженной вершиной, что нравилось ей куда больше.

Картины развешивает мисс Джустин. Она вырезает их из старых журналов, что лежат в классе, и цепляет на стену с помощью синих липких пластинок по краям. Она печется об этих синих пластинках, как последний скряга из какой-нибудь сказки. Всякий раз, как она снимает или вешает картину, она собирает все синие пластинки, что прилипли к стене, и цепляет их обратно к маленькому шарiku, который она хранит в своем столе.

Когда они закончатся, они закончатся, – говорит мисс Джустин.

В коридоре двадцать дверей слева и восемнадцать справа плюс по двери в каждом конце. Одна из них, красная, ведет в класс – в этом Мелани уверена. Куда ведет вторая – серая, стальная и очень, очень толстая, – сказать сложнее. Однажды, когда Мелани вели обратно в камеру, дверь была снята с петель и над ней возилось несколько рабочих. (Ей бросилось в глаза множество болтов и заклепок.) Увидев множество всяких болтов и заклепок по краям, Мелани подумала, что открыть ее было бы очень тяжело. За дверью была длинная лестница, уходящая вверх. Так как она не должна была этого видеть, сержант сказал: «Маленькая сучка слишком глазастая» – и, толкнув ее в камеру, захлопнул дверь. Но она видела, и она помнит.

Мелани не только наблюдает, но и слушает. Из тихих разговоров и перешептываний она узнает что-то о месте, где находится, сравнивая его с другими местами, где никогда не бывала. Это тюрьма. За ее пределами располагается база, которая называется Отель «Эхо». За базой – регион № 6, тридцатью милями южнее – Лондон, от него еще сорок четыре мили на юг, и будет Маяк, а за ним – ничего, одно море. Большая часть 6-го региона зачищена, но это заслуга огненных патрулей, с их гранатами и зажигательными ядрами. Предназначение базы – посылать огненные патрули на зачистку «голодных», в этом Мелани уверена.

Огненные патрули должны быть очень осторожны, поскольку вокруг до сих пор очень много голодных. Если они учуют твой запах, то выследят тебя и за сотню миль, поймают и съедят. Мелани рада, что живет в тюрьме, за большой стальной дверью, здесь она в безопасности.

Маяк сильно отличается от базы. Это огромный город, в котором живет множество людей, а здания дотягиваются до облаков. С одной стороны город окружает море, с другой

– рвы и минные поля, поэтому голодным никак к нему не подобраться. В Маяке ты можешь прожить всю жизнь, так и не увидев ни одного голодного. И он настолько большой, что в нем, скорее всего, живет сто миллиардов человек!

Мелани надеется когда-нибудь попасть туда. Когда задача будет выполнена и когда (так однажды сказала доктор Колдуэлл) все хвосты будут подчищены. Мелани представляет себе этот день: стальные стены складываются, как страницы книги, и потом... что-то еще. Что-то снаружи, куда они все выйдут.

Это будет страшно, но так захватывающе!

Каждое утро из стальной двери выходит сержант, его люди и затем учитель. Они проходят по коридору, мимо двери Мелани, пронося с собой горький запах химикатов, который всегда с ними. Это не самый вкусный запах на свете, но Мелани он нравится, поскольку означает начало нового учебного дня.

Как только Мелани слышит шаркающие шаги, она подбегает к двери в своей камере и встает на цыпочки, чтобы увидеть проходящих людей в маленьком дверном окошке. Она кричит «Доброе утро!», но им приказано не отвечать, и чаще всего они молча проходят мимо. Сержант и его люди никогда не обращают на нее внимания, как и доктор Колдуэлл и мистер Виттакер. А доктор Шелкрик всегда буквально проносится мимо, не глядя по сторонам, поэтому Мелани ни разу не увидела ее лица. Но иногда Мелани замечает слабый кивок мисс Джустин или тайную улыбку мисс Мейлер.

Кто бы ни был сегодня учителем, он идет прямо по коридору в класс, в то время как люди сержанта начинают открывать двери камер. Они должны привести детей на урок. Все начинается с долгой проверки. Мелани считает, что эта процедура одинакова для всех детей, но до конца не уверена в этом, потому что проверка всегда проходит внутри камеры, а изнутри она видит лишь свою собственную.

Сначала сержант стучит во все двери и кричит детям, чтобы они приготовились. Обычно он кричит «На выход!», но иногда добавляет еще пару слов, и получается: «На выход, вы, маленькие ублюдки!» или «На выход! Давайте посмотрим на вас!». Его большое лицо, все в шрамах, подплывает к окошку камеры и пристально смотрит на вас, пока не убедится, что вы встали с постели и начали одеваться.

Мелани помнит, как однажды он произнес речь, обращенную, правда, не к детям, а к своим людям. «Некоторые из вас новички. Вы не знаете, какого черта подписали ту проклятую бумажку и в какой заднице сейчас находитесь. Да к тому же вы боитесь этих мелких уродцев, так? Хорошо. Теперь впустите в себя этот страх и никогда не переставайте бояться. Чем больше вы напуганы – тем меньше шанс, что вы облажаетесь». Потом он прокричал «На выход!» и Мелани обрадовалась, так как не понимала, надо ли будет выходить или нет.

После того как сержант кричит «На выход!», Мелани быстро надевает белую униформу, висящую на крючке рядом с дверью, достает из ящика в стене белые брюки, а из-под кровати – белые туфли. Затем она садится в инвалидное кресло, что стоит рядом с кроватью, кладет руки на подлокотники, ноги ставит на подножки и закрывает глаза – делает все, как ее учили. Закрыв глаза, она начинает считать. Максимум она досчитала до 2526, а самое меньшее – до 1901.

Когда ключ в двери поворачивается, она перестает считать и открывает глаза. Сержант заходит в камеру, направляя на нее свой пистолет. После заходят двое людей сержанта и затягивают лямки ремней на запястьях и лодыжках Мелани. Есть еще ремень для шеи; его затягивают последним, когда ногами и руками пошевелить уже невозможно; затягивая, надсмотрщики всегда стоят сзади. Ремень разработан таким образом, чтобы людям сержанта никогда не пришлось держать руки перед лицом Мелани. Пока его затягивают, она иногда говорит им: «Я не кусаюсь». Она всегда говорит это с улыбкой, пытаясь рассмешить их, но они никогда не смеются. Сержант однажды посмеялся, когда впервые услышал это, но смех

его был противный. Внезапно перестав смеяться, он сказал: «Как будто мы дадим тебе шанс, сладенькая».

Когда Мелани полностью привязана к креслу, ее везут в класс и оставляют перед партой. Учитель в этот момент может разговаривать с другим учеником или писать что-то на доске, но обычно она (или он, если это мистер Виттакер – единственный мужчина из учителей) прерывается и говорит: «Доброе утро, Мелани». Благодаря этому дети, которые сидят на первых партах, узнают, что приехала Мелани, и тоже говорят ей «Доброе утро». Большинство из них, конечно, не может ее видеть, ведь они сами сидят в своих креслах и не в силах пошевелить головой.

Эта процедура – закатывание в класс кресла-каталки, приветствие учителя, а затем остальных учеников – происходит еще девять раз, так как после Мелани в класс ввозят еще девятиерых. Одна из них, Анна, была когда-то лучшей подругой Мелани, а может, и сейчас ей остается, вот только в прошлый раз, когда детей пересаживали (сержант называет это «перетасовкой колоды»), Анна оказалась в другом конце класса, а трудно называться лучшими друзьями, если вы не можете даже поговорить. Из этих девяти Мелани знает еще Кенни, но его она недолюбливает, потому что он зовет ее Мыльные Мозги или М-М-М-Мелани, дабы напомнить ей о том, что она раньше заикалась.

Занятия начинаются, когда всех детей привозят. Каждый день есть уроки математики и английского, а после них – контрольные работы, но вот на остаток учебного дня никаких планов, кажется, никогда нет. Некоторые учителя любят читать вслух книги, а потом задавать вопросы о прочитанном. Другие заставляют писать таблицы и уравнения, запоминать даты и учить историю. Последнее у Мелани получается лучше всего. Она знает всех королей и королев Англии, время их правления, все города Великобритании, их численность, реки, что протекают через них (если, конечно, таковые имеются), а также девизы (если, конечно, у них есть девизы). Она также знает главные столицы Европы и их численность и еще года, когда они воевали с Англией, что, так или иначе, делали почти все.

Ей не трудно все это запомнить; она делает это, чтобы не скучать, так как скука – самое плохое, что может быть. Если она знает площадь какого-либо города и его численность, она может высчитать в голове среднюю плотность населения, а потом сделать регрессионный анализ, чтобы представить, сколько людей там может быть через десять, двадцать или тридцать лет.

Но тут есть одна проблема. Мелани узнала все о городах Великобритании на уроках мистера Виттакера, и она не уверена в том, что он сам так уж хорошо в этом разбирается. Все дело в том, что однажды Мелани спросила его: «1,036,900 человек – это население Бирмингема с пригородом или без?» В ответ он печально улыбнулся, слегка замялся и пробормотал: «Кому какое дело? Ничто из этого не имеет уже никакого значения. Я сказал вам лишь то, что написано в учебниках, которые дошли до нас, а им больше тридцати лет».

Но Мелани не успокоилась, так как знала, что Бирмингем самый большой город в Англии после Лондона, – поэтому ей важно было знать точные цифры: «Но что говорят переписи о...».

Мистер Виттакер оборвал ее: «Господи, Мелани, это не важно. Это древняя история! На месте Бирмингема сейчас ничего нет, выжженное поле, да и только. Знаешь, каково его население? Ноль!»

Так что, возможно, даже вполне вероятно, некоторые списки Мелани следует в какой-то степени обновить.

Дети занимаются в классе с понедельника по пятницу. По субботам они остаются запертыми в своих камерах, никто не приходит, даже сержант, а из громкоговорителей играет музыка. Она грохочет так, что разговаривать становится невозможно. Давным-давно у Мелани была идея создать язык, в котором вместо слов были бы знаки, чтобы дети могли

общаться друг с другом через маленькие окошки в дверях, и она придумала ряд основных жестов, которые были довольно просты и одновременно забавны, но когда она спросила мисс Джустин, нельзя ли ей научить этим жестам одноклассников, та резко ответила «нет!», взяв при этом с нее обещание никому не рассказывать про свою идею, особенно сержанту. «У него и так мозги набекрень от вас, а если он вдобавок узнает, что вы разговариваете за его спиной, то потеряет последние крохи благоразумия».

Поэтому Мелани так никого и не научила своему новому языку.

Субботы обычно очень длинные и глупые, каждый раз их тяжело переживать. Мелани пересказывает сама себе вслух истории, которые им рассказали в классе, или повторяет доказательство бесконечности множества простых чисел в такт музыке, потому что так ее голос практически не слышен. Очень редко случается, что сержант все же приходит и приказывает ей замолчать.

Мелани знает, что сержант никуда не уходит по субботам, потому как однажды Ронни начала колотить рукой по сетке в окошке и колотила до тех пор, пока рука ее не превратилась в кровоточащий кусок плоти. Тогда пришел сержант и привел с собой двоих людей. Все они были одеты в защитные костюмы, за которыми не видно лиц. По звукам, доносившимся из камеры Ронни, Мелани догадалась, что они пытались усадить ее в кресло и пристегнуть. Было ясно, что та отчаянно сопротивлялась, продолжая кричать: «Оставьте меня в покое! Отпустите!» Затем в общей картине звуков появился ужасный треск, который все усиливался и усиливался, пока один из людей сержанта не прокричал: «Господи, только не...» – тут криками наполнился весь коридор. Почти неразличимо прозвучали слова: «Держи другую руку! Держи ее, черт тебя дери!» Спустя несколько мгновений воцарилась тишина.

Мелани не может сказать, что случилось после. Люди сержанта прошли по коридору и закрыли окошки на дверях всех камер. В понедельник Ронни не было в классе, и никто не знал, что с ней случилось. Мелани хочется думать, что на базе есть еще один класс и Ронни отвели как раз туда. И, быть может, однажды, когда сержант будет «тасовать колоду», она вернется. Хотя она понимает, что, скорее всего, сержант увел куда-то Ронни, чтобы наказать за ее поведение. Навряд ли он позволит ей когда-нибудь увидеть одноклассников.

Воскресенья это почти то же, что и субботы, только с душем и обедом. С утра детей заковывают в кресла, будто это обычный учебный день, но не пристегивают правую руку. Всех отвозят в душевую, это последняя дверь справа, как раз перед той стальной дверью.

Душевая выложена белым кафелем и абсолютно пуста. Когда всех одноклассников вкапывают в нее, люди сержанта приносят миски с ложками и ставят их на колени детям.

В миске извивается около миллиона крошечных личинок.

Дети едят.

В рассказах, которые они читают на уроках, дети иногда едят другие вещи – пирожные, и шоколад, и сосиски, и пюре, и чипсы, и конфеты, и спагетти, и фрикадельки. На самом же деле они едят только личинки и только раз в неделю. Доктор Селкрик ответила однажды, когда Мелани спросила, почему так: «Ваши тела невероятно эффективно перерабатывают белок. Кроме него, вам ничего больше не нужно. Ты чувствовала когда-нибудь жажду? Вот именно, все потому, что личинки полностью насыщают твой организм всеми необходимыми веществами».

Когда личинки доедены, люди сержанта забирают пустые миски, выходят и наглухо задраивают входную дверь. Теперь в душевой абсолютная темнота. Трубы за стенами начинают посмеиваться, и с потолка на детей падают первые капли химического спрея.

Это им пахнут все учителя и люди сержанта. Только в душевой его запах куда резче. Сначала тело слегка покалывает, но потом кожу будто пронзает тысяча игл. Глаза Мелани опухают, краснеют и почти перестают видеть. Но уже минут через тридцать, если сидеть неподвижно, все неприятные ощущения проходят, а вместе с ними и запах. Хотя к запаху,

скорее всего, дети просто привыкают. Еще с час все сидят в крошечной темноте и ждут людей сержанта. Из-за этого купания воскресенье, возможно, самый отвратительный день в неделе.

А вот самый лучший – когда преподает мисс Джустин. Это не всегда один и тот же день, а бывают недели, когда она и вовсе не приходит. Но если Мелани вкатывают в класс и она видит мисс Джустин, ее сердце готово выпрыгнуть из груди от счастья.

На уроках мисс Джустин никто не скучает. Мелани приносит бесконечное удовольствие просто лишь смотреть на нее, а сидя в камере, она иногда пытается угадать, что на ней будет надето и как будут заплетены волосы в следующий раз. Волосы ее обычно очень длинные и слегка выются. Кажется, будто смотришь на водопад. Иногда она завязывает их в узел на затылке, но и эта прическа ей очень идет. Она становится похожа на древнюю статую, держащую на своих руках потолок храма. На кариатиду. Кожа мисс Джустин невероятно красивого цвета – темно-коричневого, как деревья в тропических лесах на картине в камере Мелани, их семена растут только на пепле сгоревшего леса, или как кофе, который мисс Джустин пьет в перерывах между уроками. Но все сравнения не дают точного представления, так как этот цвет куда насыщеннее и глубже, чем те вещи, которые мы описали. Единственное, что можно с уверенностью сказать, так это то, что кожа мисс Джустин настолько же темна, насколько светла кожа Мелани.

Иногда мисс Джустин носит шарф, обвивающий ее шею и скользящий по плечам. В такие дни она становится похожа на пирата или на одну из женщин Гамельна, когда пришел Крысолов. Правда, женщины Гамельна на картинке в книге мисс Джустин по большей части старые и сгорбленные, а мисс Джустин молода, стройна и очень, очень красива. Так что она все же скорее пират, хоть и без высоких сапог и меча.

Когда она преподает, день наполняется множеством прекрасных вещей. Она может читать вслух стихи, или играть на флейте, которую принесла с собой, или показывать детям картинки из книг, рассказывая истории о людях, изображенных на них. Так Мелани узнала легенду про ящик Пандоры, в котором хранились все беды и несчастья на земле. Однажды мисс Джей показала детям картинку, на которой женщина открывала ящик и из него вылетали очень страшные вещи. «Кто это?» – спросила Анна.

– Это Пандора, – ответила мисс Джустин, – она была удивительной женщиной. Все боги благословили ее, одарив подарками. Вот что значит ее имя – «девушка, наделенная всеми дарами». Она была умна, храбра, красива и обладала всеми качествами, какие только можно пожелать. И лишь один недостаток был на другой чаше весов – любопытство.

Оказалось, что это качество присуще всем в классе, благодаря нему дети узнали легенду, берущую свое начало от войны богов с титанами и завершающуюся в доме Эпиметея, брата Прометея, где Пандора открывает ящик, из которого вылетают все несчастья и расползаются по земле.

Мелани сказала, что не винит Пандору за то, что та сделала, так как это была ловушка, которую Зевс подстроил для всех людей, желая отомстить за похищение огня с Олимпа Прометеем. Он создал Пандору специально, чтобы она стала женой Эпиметея и, сама того не сознавая, открыла злополучный ящик, стоявший у него дома.

– Повтори это громче, сестра, – сказала мисс Джустин.

– Мужчинам нравится, когда наказывают женщин. – Эти слова заставили мисс Джустин рассмеяться во весь голос. Мелани была этому очень рада, хоть и не поняла, что такого смешного в ее словах.

У этих дней есть один только минус – время летит слишком быстро. Каждая секунда так дорога ей, что она даже перестает моргать, замирает с широко раскрытыми глазами, буквально впитывая все, что говорит мисс Джустин, чтобы потом, сидя в камере, как бы заново оказываться на ее уроках. В классе же Мелани любит задавать много вопросов, потому что,

когда мисс Джустин произносит ее имя, ей кажется, что она самый важный человек на всем белом свете.

2

Однажды во время урока мисс Джустин в класс вошел сержант. Он встал позади всех. Мелани и не догадывалась о его присутствии, пока он не заговорил. Когда мисс Джустин сказала: «В этот раз Винни-Пух и Пятачок насчитали три пары следов на снегу...», сержант грубо прервал ее: «Какого черта здесь происходит?»

Мисс Джустин обернулась и ответила:

– Я читаю детям сказку, сержант Паркс.

– Я вижу, – сказал он. – Но мне казалось, что мы должны их исследовать, а не развлекать.

Мисс Джустин напряглась. Если бы вы ее знали и видели так же хорошо, как Мелани, вы бы, конечно, тоже заметили. Но уже через мгновение учительница взяла себя в руки и спокойно ответила: «Это как раз то, чем мы занимаемся. Важно выяснить, как они усваивают и передают информацию. Для этого им нужно что-то рассказывать».

– Например, сказки? – ехидно спросил он.

– Нет, скорее идеи.

– О да, в Винни-Пухе множество идей мирового масштаба.

Это был сарказм. Мелани знает, как им пользоваться. Нужно говорить не то, что думаешь, а наоборот.

– Seriously, вы впустую тратите время. Если хотите рассказывать им истории, расскажите про Джека-потрошителя или Джона Уэйна Гейси.¹

– Они же дети, – напомнила ему мисс Джустин.

– Нет.

– С точки зрения психологии – да. Они просто дети.

– Тогда к черту психологию! – раздраженно ответил он. – Именно поэтому вам не стоит читать им «Винни-Пуха». Если вы будете продолжать в таком духе, то скоро начнете считать их настоящими детьми. И однажды облажаетесь – решите развязать одного из них, ведь им так не хватает ласки. Нет смысла говорить, что случится после этого.

Сержант подошел к доске, развернулся лицом к классу, засучил рукава рубашки и поднес правую руку к лицу Кенни. Ничего не происходило. Паркс плюнул на ладонь и помахал ею перед его лицом.

– Не надо, не делайте этого, – попросила мисс Джустин. Но сержант не отреагировал.

Мелани сидела через два ряда за Кенни и на два ряда правее, поэтому видела все отлично. Его рот раскрылся неестественно широко, он начал судорожно клацать челюстью, пытаясь вцепиться в протянутую ладонь. Слюни текли изо рта, но их было мало, потому что детям никогда не давали пить. Покачиваясь, теряя силы, Кенни продолжал хрюкать и огрызаться на руку сержанта, иногда даже всхлипывая.

Все стало еще хуже, когда дети вокруг Кенни тоже начали дергаться и клацать зубами, будто заразившись от него. Со стороны казалось, что у них разболелись животы.

– Вы видите? – спросил сержант, повернувшись к мисс Джустин. В ответ она просверлила его уничтожающим взглядом, в котором читалось желание ударить Паркса по лицу. Он удивленно моргнул и опустил руку.

– Не каждый, кто похож на человека, им является, – проговорил сержант поучительно.

– Не каждый, здесь я с вами согласна, – кивнула мисс Джустин.

Голова Кенни изо всех сил старалась освободиться от ремешков, что стягивали ее, а горло издавало неприятные стрекочущие звуки.

¹ Американский серийный убийца.

– Все хорошо, Кенни, – сказала мисс Джустин, – это скоро пройдет. Давайте вернемся к нашей истории. Она вам понравилась? Хотите узнать, что дальше случилось с Винни-Пухом и Пятачком? Сержант Паркс, вы позволите?

Он покачал головой, взглянув на нее:

– Вы не должны к ним привязываться. Вы же знаете, зачем они здесь. Черт, да вы знаете это лучше, чем многие...

Но мисс Джустин снова начала читать, как будто его здесь и не было. Через несколько минут сержант незаметно покинул помещение. Или опять молча встал позади всех. Хотя это навряд ли, так как мисс Джустин прошла в конец класса и закрыла дверь.

Той ночью Мелани не могла заснуть. Она думала о словах сержанта, что они не настоящие дети, и о том, как мисс Джустин смотрела на него, когда он дразнил Кенни.

Перед глазами постоянно всплывал образ Кенни, рычащего, скалящего зубы, рвущегося, словно собака с цепи, в бессильных попытках отгрызть сержанту руку. Она не понимала, почему он это делал, хотя ей казалось, все дело в том, что Паркс плюнул на ладонь и помахал ею перед носом. От руки шел запах, который почувствовала даже Мелани, сидя далеко от них. Ее голова закружилась в тот момент, а челюсти сами собой начали двигаться. Она до сих пор не может понять, что тогда произошло, ведь ничего подобного с ней никогда не случалось. Такое ощущение, что она должна была сделать что-то крайне важное и срочное, и тело взяло под контроль ее разум, чтобы ни в коем случае не опоздать.

Вместе с этим она никак не могла поверить, что у сержанта есть имя. Как у детей и как у учителей. До сих пор сержант казался ей скорее богом, ну, или титаном; теперь она знает, что он такой же, как и все, пусть даже и очень страшный. Он не просто сержант, он сержант Паркс. Масштаб этой перемены продержал ее без сна всю ночь.

В некотором смысле чувства Мелани к мисс Джустин тоже изменились. Хотя нет, они не изменились, а стали в сто раз сильнее. На всем свете нет никого добрее, лучше и милее, чем мисс Джустин; Мелани хотела бы быть богом, или титаном или троянским воином, чтобы сражаться за мисс Джустин и спасти ее от Слонопотамов и Бук. Она знает, что Слонопотамы и Буки живут в мире Винни-Пуха, а не в греческих мифах, но ей так нравится, как их зовут. Еще сильнее ей нравится сама мысль о спасении мисс Джустин. Она думает об этом каждый раз, когда не думает ни о чем другом. С этой мыслью даже воскресенья превращаются в довольно сносные дни.

Однажды на уроке мисс Мейлер освободила всем правую руку и придвинула к детям парты, дав задание сочинить и написать историю. Ее интересовал их словарный запас, а не то, о чем будет история. Это очевидно, потому как всем раздали список слов, за правильное использование которых в тексте ученики получили бы дополнительные баллы.

Мелани полностью проигнорировала этот список и дала волю своему воображению.

Когда мисс Мейлер спросила, кто хочет прочесть вслух свой рассказ, Мелани быстро подняла руку и сказала: «Я, мисс Мейлер! Я хочу прочитать!» Вот эта история:

Давным-давно жила на свете прекрасная женщина. Она была самой красивой, доброй и умной женщиной из всех. Она была высокой, но не горбилась, кожа ее была настолько темной, что казалось, она сама своя тень, а волосы ее так сильно вились, что когда ты смотрел на нее, голова начинала кружиться. А жила она в Древней Греции, во времена, когда война богов с ами завершилась и боги наслаждались своей победой.

Однажды женщина гуляла по лесу, и вдруг на нее напал монстр. Проклятый уродец хотел убить ее и съесть. Женщина оказалась очень храброй, она сражалась не жалея сил, но монстр был слишком велик. Он не обращал внимания на свои раны и продолжал наступать.

Женщина испугалась. Страх объел ее смертную душу.

Монстр выбил у нее меч, копье и приготовился ее съесть.

Но в этот момент появилась маленькая девочка. Это была особенная девочка, боги одарили ее всеми дарами, как Пандору. И, как Ахиллеса, ее искупала в Стиксе мама (красивая и удивительная женщина), поэтому девочка стала неуязвима, за исключением маленькой части тела (но это была не пятка – слишком очевидно; это совсем другое место, о котором она никому не рассказывала, чтобы монстр не смог его найти).

Маленькая девочка победила монстра и отрубила ему голову, руки, ноги и все остальные части тела. Прелестная женщина крепко обняла ее и сказала: «Ты у меня особенная. Ты всегда будешь со мной, и я никуда тебя не отпущу».

И они жили вместе долго и счастливо.

Последнее предложение она взяла из сказки Братьев Гримм, которую мисс Джустин однажды им читала, а остальные фрагменты придуманной истории были свободным пересказом греческих мифов из книги «Истории, что рассказала Муза» и всего, что Мелани слышала от других людей. Но это все равно была ее история, и она была очень счастлива, что другие дети оценили историю. Даже Кенни в конце сказал, что момент с расчленением монстра ему понравился.

Мисс Мейлер тоже казалась счастливой. Все время, пока Мелани читала свой рассказ, она записывала что-то в тетрадь. Плюс ко всему она записала весь рассказ на маленький диктофон, который всегда приносит на уроки. Мелани надеется, что она даст мисс Джустин послушать запись, чтобы та тоже услышала ее историю.

– Это было очень интересно, Мелани, – сказала мисс Мейлер.

Она положила диктофон на парту Мелани и начала задавать вопросы на тему рассказа. На что был похож монстр? Что чувствовала девушка, пока монстр был еще жив? Поменялось ли что-то в ней после его смерти? Какие чувства она испытывает к женщине, которую спасла? И еще много-много подобных вопросов, отчасти забавных, потому что начинает казаться, что герои истории на самом деле существуют. Как будто она спасла мисс Джустин от монстра и та обняла ее.

Это лучше, чем миллион греческих мифов.

3

Однажды мисс Джустин заговорила с ними о смерти. Эту тему навеяло стихотворение про атаку Легкой Бригады, в которой большинство бойцов погибает. (Она прочла стихотворение.) Дети хотели узнать, что такое смерть и каково это – умереть. «Все огни гаснут, а звуки становятся все тише, почти как по ночам, – только навсегда. Утра не наступает. А свет не включится больше никогда», – сказала она.

– Звучит ужасно, – дрожащим голосом проговорила Лиззи, вот-вот готовая заплакать. Мелани разделяла ее чувства; будто сидишь в душевой в воскресенье, вокруг запах химикатов, но даже когда он проходит, ничего не меняется, и так во веки веков.

Мисс Джустин поняла, что расстроила детей, и попыталась обнадежить их: «Но может, это совсем не так. Никто, по правде, не знает, потому что после смерти нельзя вернуться и рассказать, что там. В любом случае, для вас все будет по-другому, нежели для большинства людей, потому что вы...» Тут она осеклась.

– Мы что? – спросила Мелани.

Прошло несколько секунд перед тем, как мисс Джустин опять заговорила. Казалось, она ищет слова, которые бы не обидели их.

– Вы дети. Вы не можете себе представить, на что похожа смерть. Вам кажется, что жизнь будет продолжаться вечно, – мягко сказала она.

Мелани уверена – это не то, что она хотела сказать. Но даже после этих слов в классе воцарилась тишина. Все пытались решить для себя, что же такое смерть. Мелани была согласна с мисс Джустин – она не помнила время, когда жизнь ее была другой, и не могла представить, чтобы люди жили иначе. Но есть одна вещь, которая не вписывается в получающееся уравнение. Мелани должна была спросить об этом.

– Чьи мы дети, мисс Джустин?

В большинстве историй, которые ей известны, у детей есть родители (папа и мама), у Ифигении – Клитемнестра и Агамемнон, у Елены – Леда и Зевс. Иногда у них тоже есть учителя, но вот сержантов нет ни у кого. Поэтому вопрос затрагивал основы мироощущения Мелани, и задавала она его с легким трепетом.

Мисс Джустин опять долго думала, – стало ясно, что не стоит рассчитывать на правду.

– Твоя мама погибла, когда ты была еще очень маленькой. Скорее всего, твой отец тоже погиб, хотя нет никакой возможности это проверить. Поэтому армия приглядывает за тобой сейчас.

– А так только у Мелани? – спросил Джон. – Или у нас всех?

– У всех, – сказала мисс Джустин, медленно кивая.

– Мы в детском доме, – догадалась Анна. (Они недавно слышали историю про Оливера Твиста от мисс Джустин.)

– Нет, вы находитесь на военной базе.

– А разве армия заботится обо всех детях, чьи родители погибли? – вступил Стивен.

– Не обо всех.

Мелани долго и упорно собирала в голове все кусочки пазла, перед тем как спросить:

– Сколько мне было лет, когда умерла мама? Ведь если я ее не помню, значит, я была совсем маленькая.

– Это трудно объяснить, – проговорила мисс Джустин. По лицу было видно, что ей неудобно обсуждать такие темы.

– Я была тогда ребенком? – спросила Мелани.

– Не совсем, но почти. Ты была очень мала.

– Кто отдал меня в армию? Мама?

Опять долгое молчание.

– Нет, – наконец сказала мисс Джустин, – Армия сама тебя нашла после смерти мамы.

Это никак не укладывалось в голове (что-то формировалось в ней быстро и медленно и почти трудно). Мисс Джустин поспешила сменить тему. Дети обрадовались. После всего услышанного никому не хотелось обсуждать смерть.

Они перешли к изучению периодической таблицы элементов Менделеева, которая давалась им легко и непринужденно. Все по очереди называли элементы, начиная с Майлза, он сидел в первом ряду справа. Прошлись по таблице от начала и до конца, потом в обратном порядке. После чего мисс Джустин стала придумывать конкурсы: «Все элементы на букву Н!» или «Только актиноиды!».

Дети с интересом играют, пока задания не становятся действительно трудными: «Элемент не должен быть в группе или периоде и должен начинаться с буквы, которая есть в вашем имени!» Зои жалуется, что детям с длинными именами легче, у них больше шансов победить. Тут она, конечно, права, но ведь есть золото, индий, иридий, иттербий, иттрий, олово, осмий – не так уж мало.

Тем не менее Ксанти выигрывает (называя ксенон), и все смеются. Кажется, что разговор про смерть совсем забыли. Конечно же, это не так. Мелани знает своих одноклассников достаточно хорошо – каждый из них сейчас прокручивает слова мисс Джустин снова и снова. Тем же занимается и она, крутит их в своих мыслях, перетряхивает – вдруг что-нибудь эдакое получится. Ведь они никогда не изучали самих себя.

Тут Мелани додумалась до большого исключения из правила, что не все дети имеют родителей, – Пандору Зевс создал из обожженной глины, у нее не было ни мамы, ни папы. Мелани кажется, что так даже лучше, чем иметь мать и отца, с которыми никогда не встретишься. Призрак родителей будет парить всегда рядом, отягощая жизнь.

Но она хочет узнать еще кое-что, причем так сильно, что возможность расстроить мисс Джустин ее не останавливает. В конце урока она ждет, когда мисс Джустин приблизится к ней вплотную, чтобы задать ей вопрос совсем тихо.

– Мисс Джустин, – шепчет Мелани, – что будет, когда мы вырастем? Будет ли армия продолжать заботиться о нас или отправит домой в Маяк? И если мы туда отправимся, поедут ли с нами учителя?

Все учителя! Ага, конечно. Как будто ее заботит, увидит ли она когда-нибудь мистера «убаюкивающий голос» Виттакера. Или скучного доктора Селкрик, которая все время смотрит в пол, как будто боится увидеть в классе детей. Она спрашивает про вас, мисс Джустин, вас, вас, вас, и она хотела бы сказать это вслух, но боится – желания ведь могут не сбыться, если их произнести вслух.

Конечно, Мелани знает – из книг, что им читали, или из историй, что им рассказывали на уроках, – дети не всю жизнь проводят в школе. По окончании школы они не остаются жить дома вместе с учителями. И хотя она не знает до конца, что значат эти слова, на что может быть похоже окончание школы, она понимает, что это когда-нибудь произойдет и начнется что-то новое.

Поэтому она готова к тому, что мисс Джустин скажет: нет. Ее лицо не выдаст ни малейшего разочарования в случае такого ответа. Ей действительно нужны просто факты, чтобы подготовиться к предстоящему горю разлуки.

Но мисс Джустин не ответила вообще ничего. Если только ее быстрое движение рукой не являлось ответом. Она заслонила лицо рукой, будто Мелани плюнула в него (хотя она ни за что на свете так не поступит!).

Затем сирена трижды провыла, возвестив об окончании учебного дня. Мисс Джустин опустила голову. Странно, но только тут Мелани впервые заметила, что мисс Джустин всегда носит что-нибудь красное. Футболка, лента для волос, брюки или шарф, что-нибудь обя-

зательно красного цвета. Остальные учителя и доктор Колдуэлл и доктор Селкрик – все в белом, сержант и его люди – в зеленом, коричневом и зелено-коричневом. Мисс Джустин – в красном.

Как кровь.

Будто у нее рана, не заживающая и вечно напоминающая о себе.

Глупая идея, решила Мелани, потому что мисс Джустин всегда улыбается, а голос ее похож на пение птиц, на журчанье ручья. Если бы у нее что-то болело, она не смогла бы столько улыбаться. Но сейчас она не улыбается. Ее взгляд упирается в пол, а лицо перекошено, как будто она злится, грустит или болеет, – что-то плохое она должна извлечь из себя – может, слезами, может, словами, может рвотой или всем, вместе взятым.

– Я останусь! – кричит Мелани. Она отчаянно пытается спасти ситуацию и не расстраивать мисс Джустин. – Если вам нужно быть здесь, я останусь с вами. Я не хочу ехать в Маяк без вас.

Мисс Джустин поднимает голову и смотрит на Мелани. Ее глаза блестят, губы дрожат, как линии на приборе ЕЭГ доктора Колдуэлл.

– Извините меня, – быстро говорит Мелани. – Не грустите, мисс Джустин. Вы можете делать все, что хотите, конечно. Можете уйти, или остаться, или...

Третьего она не успела произнести, потому что произошло нечто невообразимое и удивительное.

Мисс Джустин подняла руку и начала гладить волосы Мелани.

Делает она это так, будто уже миллион раз их гладила.

В глазах у Мелани потемнело, она не могла ни дышать, ни говорить, ни думать. За всю жизнь к ней прикасались всего пару раз – и то люди сержанта. Прикосновения мисс Джустин слишком прекрасны, чтобы существовать в этом мире.

Все дети, которые могут видеть эту сцену, замерли. Их глаза и рты широко раскрыты. В классе так тихо, что слышно дыхание мисс Джустин, прерывистое, как будто ей холодно.

– О боже, – шепчет она.

– На этом урок заканчивается, – произносит сержант.

Мелани не может посмотреть на него – лямки не позволят. Кажется, вообще никто не заметил, как он вошел. Все лишь испуганно вздрогнули, услышав его голос, даже мисс Джустин (что повлияло на Мелани так же сильно, как и наличие имени у сержанта).

Сержант прошел по классу, и Мелани его увидела. Мисс Джустин отдернула руку от ее волос, как только раздался его голос. Голова ее снова опущена и лица не видно.

– Они возвращаются в свои клетки сейчас же, – говорит сержант.

– Да, – тихо соглашается мисс Джустин.

– А вам будет предъявлено обвинение.

– Да.

– Вполне возможно, вы потеряете свою работу. Потому как только что нарушили все правила, которые у нас были.

Мисс Джустин подняла голову. По щекам у нее текли слезы. «Да пошел ты, Эдди», – сказала она так тихо и спокойно, как будто говорила «доброе утро».

Поднявшись, она быстро вышла из класса. Мелани хотела позвать ее, сказать что-то, чтобы она осталась: – «Я люблю вас, мисс Джустин. Я буду и богом и титаном одновременно, лишь бы спасти вас!» Но не смогла произнести ни слова. Вошли люди сержанта и начали выкатывать детей по одному.

4

Почему? Почему она это сделала?

Хелен Джустин продолжает задавать себе этот вопрос и не находит ответа, растерянно, одиноко стоит в своей роскошной, комфортабельной камере, которая с каждой стороны на фут больше, чем обычная солдатская, да еще и с нормальной ванной. Опираясь на стену напротив зеркала, она боится в него посмотреть.

Потом она мыла руки. Она мыла руки так долго, что кожа начала с них слезать, но так и не смыла того ощущения, когда касаешься холодной кожи. Настолько холодной, будто кровь никогда не текла под ней. Кажется, что это тело только что подняли со дна самого глубокого моря.

Почему она это сделала? Что заставило ее руки коснуться этих волос?

Хороший полицейский – это всего лишь роль, которую она играет, чтобы исследовать эмоциональные реакции детей на нее, а после – отправить сладкоречивый отчет Кэролайн Колдуэлл об их «нормальном психическом состоянии».

Нормальное психическое состояние. Оно сейчас как раз у Джустин, по-видимому.

Это как долго рыть кому-то яму, глубокую, красивую, а потом отложить лопату и самому прыгнуть в нее.

Хотя рыла яму фактически не она, а испытуемый номер один. Мелани. Это был ее очевидный, отчаянный, восторженный порыв, встряхнувший Джустин так сильно, что ни о каком равновесии речи больше не шло. Эти большие доверчивые глаза на светлом личике – детство и смерть в одном флаконе.

Она не забыла о сострадании в нужный момент. Не напонила себе, как делала это каждое утро, что когда программа завершится, Маяк заберет ее обратно так же быстро, как доставил сюда. Быстро и легко, со всем вещами, не оставляя следа. Это не жизнь. Это игра по каким-то своим, автономным правилам. Она сможет уйти чистой лишь в том случае, если не даст никому к себе прикоснуться.

Хотя эту колесницу уже не остановить.

5

Иногда бывают дни, которые начинаются не так, как всегда. В такие дни рушится целая система движений, издавна отточенных Мелани для существования. Она начинает чувствовать себя воздушным шариком, который ветер гоняет по пустыне без видимой на то причины. Через неделю после того, как мисс Джустин сказала детям, что их родители умерли, настал такой день.

Была пятница, когда сержант и его люди пришли, но учителей с ними не было и двери камер не открылись. Мелани уже знает, что будет дальше, но продолжает чувствовать беспокойство, когда слышит цоканье каблучков доктора Колдуэлл по бетонному полу. А через мгновение становится слышно, как она щелкает своей автоматической ручкой, щелк-щелк, щелк-щелк, хотя и не думает ничего писать.

Мелани не встает с постели. Она просто сидит и ждет. Она недолго любит доктора Колдуэлл. Отчасти потому, что ее появление нарушает привычный ритм жизни, но в большей степени из-за того, что Мелани не понимает, зачем она нужна. Учителя учат, люди сержанта перевозят детей из камер в класс и обратно, а по воскресеньям – в душевую. Доктор Колдуэлл же появляется всегда неожиданно (Мелани пыталась найти систему в ее появлениях, но безуспешно), и все перестают делать то, что они делали, или то, что они должны были делать, до тех пор, пока она не уйдет.

Цоканье каблучков и щелканье ручки нарастают и нарастают, пока внезапно не прекращаются.

– Доброе утро, – слышится голос сержанта в коридоре, – чем мы заслужили удовольствие вас видеть?

– Сержант, – отвечает доктор Колдуэлл, – я начинаю серию новых тестов. Поэтому мне нужны испытуемые: и те и другие. – Ее голос, такой же мягкий и теплый, совсем как у мисс Джустин, заставляет Мелани чувствовать вину за свое отношение к ней. Может, она не такая плохая, если узнать ее получше.

– И те и другие? – переспрашивает сержант. – Вы имеете в виду мальчик и девочка?

– Что, что? – смеется доктор Колдуэлл, – Нет, нет, я совсем не это имею в виду. Гендерные различия не имеют никакого значения. Мы в этом давно убедились. Я имела в виду высокую и низкую грани нашей кривой.

– Хорошо, вы просто назовите мне номера, и я доставлю их вам.

– Из низкой отлично подойдет шестнадцатый номер, – говорит она. Слышится стук ее туфель, но она стоит на месте, так как звук этот не удаляется и не приближается. Ручка кликает.

– Может быть, этот? – спрашивает сержант. Его голос звучит очень близко.

Мелани поднимает глаза. Доктор Колдуэлл смотрит на нее через щель в двери. Их взгляды пересекаются, и они долго смотрят друг на друга, не моргая.

– Наш маленький гений? – спрашивает она, – Думайте, что говорите, сержант. Я не собираюсь тратить номер один на обычный тест. Когда я приду за Мелани, здесь будут ангелы с трубами.

Сержант бормочет что-то в ответ, и доктор Колдуэлл смеется.

– Я уверена, что с трубами вы можете совладать, – говорит она.

Звук щелкающей ручки удаляется.

– Две маленькие утки, – зовет она, – номер двадцать два.

Мелани не знает номера всех, но большую часть помнит благодаря тому, что учителя иногда называют детей не по имени, а по номеру. Марция – это номер 16, а Лиам – 22. Она не знает, что доктор Колдуэлл хочет от них и о чем собирается с ними говорить.

Она подходит к окошку и смотрит, как люди сержанта открывают камеры под номерами 16 и 22. Они выкатывают Лиам и Марцию и везут к большой стальной двери.

Мелани наблюдает за ними, пока они не пропадают из виду. Но она уверена, что они вышли за эту серую дверь, потому что идти там больше некуда – не в душевую же они пошли. А значит, Лиам и Марция своими глазами увидели, что там за ней!

Мелани надеется, что завтра будет день мисс Джустин, потому что она разрешает детям разговаривать на разные темы, не связанные с уроками, а ей так хочется расспросить Лиам и Марцию о том, что они делали, о чем с ними говорила доктор Колдуэлл и что находится за серой дверью.

Конечно, она надеется, что будет день мисс Джустин не только поэтому.

Так и происходит. На следующий день дети придумывают песни, силясь отличить ямб от хорея, следят за рифмой и играют на флейте. Но день проходит, а Лиам и Марция не появляются. Мелани возвращается в камеру, и всю ночь ей не дает покоя любопытство.

Наступают выходные, когда нет уроков и нет разговоров. Всю субботу Мелани внимательно слушает, но стальная дверь молчит, никого не впуская и не выпуская.

В воскресенье, в душевой, Лиам и Марции снова нет.

Понедельник – день мисс Мейлер, вторник – мистера Виттакера, и как-то после этого Мелани начинает бояться себя спрашивать, потому что до нее вдруг доходит, что Лиам и Марция могут вообще больше не вернуться, точно так же, как и Ронни не вернулась после того, как кричала и билась в дверь. А может, если она задаст вопрос, что-то изменится? Или если они все сделают вид, что ничего не замечают, то однажды Лиам и Марцию привезут обратно? Или наоборот, спросив «Куда их увезли?», она больше никогда их не увидит.

6

– Хорошо, – сказала мисс Джустин. – Кто-нибудь знает, какой сегодня день?

Сегодня вторник, это очевидно, а еще – день мисс Джустин, но все пытаются догадаться, что же еще особенного в этом дне.

– Ваш день рождения?

– День рождения короля?

– Давным-давно в этот день произошло что-то очень важное?

– Сегодня палиндромная дата?

– К нам кто-то придет?

Мисс Джустин стоит с большим холщовым мешком, который она принесла в класс. Всем жутко интересно, что же в мешке. Сегодня будет хороший день, один из лучших, наверное.

В конце концов Шивон догадалась:

– Это первый день весны! – прокричала она за спиной Мелани.

– Молодец! Ты абсолютно права, – с улыбкой произносит мисс Джустин. – Сегодня 21 марта и в нашем полушарии официально наступает весна. А еще 21 марта – это?

– Первый день весны, – повторяет Том, но Мелани, ругая себя, что не догадалась про это сама, знает, что мисс Джустин нужно что-то еще.

– День весеннего равноденствия! – кричит Мелани.

– Точно! – соглашается мисс Джустин. – Аплодисменты юной даме! А теперь скажите мне, что же означает этот праздник?

Класс загалдел. Такое редко случается, особенно если учесть, что никто никогда не видел неба. Хотя с теорией они знакомы отлично. После зимнего солнцестояния, еще в декабре, ночи пошли на убыль, а дни становились длиннее (хотя ни ночь, ни день детям еще не пришлось наблюдать, так как окон в камерах нет). А сегодня день, когда они, наконец, сравнялись. Оба по 12 часов.

– Все, что вы сказали, делает сегодняшний день волшебным, – сказала мисс Джустин. – В старые времена этот день ассоциировали с перерождением природы, когда долгие зимние ночи отступали и весь мир обновлялся. День зимнего солнцестояния обещал, что дни больше не будут укорачиваться до тех пор, пока не растворятся вовсе. А день весеннего равноденствия исполнял это обещание.

Мисс Джустин подняла большую сумку и поставила на стол.

– Я думала об этом, – медленно говорила она, зная, что все внимание сейчас приковано к этой сумке, – и меня внезапно осенило, что вам никто никогда не показывал, что же такое весна. Поэтому я решила выйти за периметр базы и...

Дети испуганно затаили дыхание. Шестой регион в основном зачищен, но территория за периметром все еще принадлежит голодным. Если они увидят или почуют ваш запах – то не остановятся ни перед чем, пока не съедят вас.

Мисс Джустин посмеялась, глядя на испуганные лица детей.

– Шучу, – сказала она. – Часть лагеря была давно зачищена, но никаких строений там нет. Вместо них там много диких цветов, и даже есть пара деревьев. – Она широко раскрыла сумку. – Я сходила туда и набрала все, что смогла найти. До Катастрофы это сочли бы вандализмом, но сейчас дикие цветы никому не нужны. Вот я и решила – почему нет?

Она запустила руку в сумку и что-то оттуда достала. Какую-то палку, длинную и извилистую, из которой в разных направлениях торчали палочки поменьше. От них – еще меньше и так далее. И вся эта конструкция была испещрена маленькими зелеными пятнышками – но как только мисс Джустин покрутила палку в руке, Мелани поняла, что это не пятнышки. Они

выпирали из палки, как будто просясь наружу. А некоторые из них были сломаны; посередине у них был разрез, из которого показывались тонкие зеленые ростки.

– Кто-нибудь знает, что это такое? – спросила мисс Джустин.

Все молчали. Мелани напряженно думала, сравнивая эту штуку со всем, что когда-либо видела и о чем слышала в классе. Ответ был где-то рядом, оставалось вспомнить, как называется принцип деления чего-то большого в маленькое, а маленького – в еще меньшее и так далее.

– Это ветка, – сказала Джоанна.

Глупая, глупая, глупая Мелани. Она же видела множество веток на картине с джунглями. Хотя настоящая ветка выглядит немного иначе. Ее форма более замысловатая, а поверхность – шероховатая.

– В точку! – согласилась мисс Джустин. – Я думаю, перед вами ветка ольхи. Пару тысяч лет назад люди, жившие в этих местах, использовали кору данного дерева в медицине, поскольку она богата салицином. Это своего рода природное обезболивающее.

Она прошла по классу и отстегнула правые руки у всех, чтобы дети могли рассмотреть ветку поближе. Она немного уродлива, подумала Мелани, но выглядит очень интересной. Особенно когда мисс Джустин объяснила, что маленькие зеленые шарики – это почки, которые со временем станут листьями и полностью раскрасят дерево в зеленый цвет, как будто надев на него летнее платье.

Но в сумке оставалось еще много всего, поэтому, когда мисс Джустин подошла к столу, класс замер в ожидании. Что-то разноцветное находилось там внутри – шарики, прямые строгие линии, замысловатые узоры, – все это пестрило красками. С виду было немного похоже на ветки, но куда симметричнее. Цветы.

– Красный кэмпиион, – сказала мисс Джустин, доставая маленькую веточку совсем не красного, скорее фиолетового цвета, каждый лепесток от нее раздваивается и становится похож на след животного, который Мелани однажды видела.

– Розмарин. Белые и зеленые пальчики, сплетенные вместе, так вы обычно держите руки, обхватив колени, когда нервничаете, но не хотите подавать виду.

– Нарцисс. Желтые трубы, как те, в которые дуют ангелы на старых фотографиях в книгах, но с бахромой по краям, колыхающейся от дыхания мисс Джустин.

– Мушмула. Белые шарики в плотной оболочке, сделанные из перекрывающихся лепестков, изогнутых и теснящих друг дружку, но расступающихся с одной стороны, чтобы показать цветок внутри – крошечную модель других цветов.

Дети загипнотизированы. В классе наступила весна. Равноденствие, мир замер между зимой и летом, жизнью и смертью, как крутящийся мяч на кончике пальца.

Пока все смотрели на цветы, мисс Джустин сажала их в бутылки и банки и расставляла по всему классу, превратившемуся в весенний луг.

Она прочла детям стихи о цветах, начав со стихотворения Уолта Уитмена о сирени и о том, что весна всегда возвращается. Но уже через пару строк поэт заговорил о смерти и предложил отдать веточку сирени гробу, проходящему по миру. Мисс Джустин решила, что лучше будет прочесть Томаса Кэмпииона. Его даже зовут, как цветок. (Стихи Кэмпииона понравились Мелани куда больше.)

Но, возможно, самое главное, что вынесла она из этого дня – знание даты. То, что ей никак нельзя забывать. Поэтому Мелани начала счет дням.

Для этого она расчистила место в уме, где будет отмечать, какое сегодня число какого месяца. Вскоре она обязательно спросит у мисс Джустин, високосный ли этот год или нет. Пока она знает число – все хорошо.

Знание даты обнадеживает ее, хотя она не может понять почему. Как будто это дает ей секретную силу – управления маленьким кусочком мира.

С этим чувством она столкнулась впервые.

7

Кэролайн Колдуэлл мастерски извлекает мозги из черепной коробки. Она делает это быстро и методично, получая в итоге мозг целиком с минимальными повреждениями. Она так в этом поднаторела, что могла бы провести эту операцию даже во сне.

На самом деле она не спала уже три дня, а глаза ее так зудят, что тереть их не имеет никакого смысла. Но ум ясен, если только вовремя отделять галлюцинации от реальности. Она знает, как это делать. Она будто наблюдает за собой со стороны, восхищаясь виртуозностью своих действий.

Первый разрез делается в задней части затылочной кости – острый скальпель легко проходит по месту, которое Селкрик открыла для нее, сбрав волосы и растянув кожу, чтобы были видны мышцы.

Идеально прямая линия разреза проходит по самой широкой части черепа. Тут важно иметь достаточно места для работы, чтобы не раздавить мозг или не потерять его часть, когда будешь доставать. Ее скальпель путешествует по черепу, как смычок по струнам скрипки, через теменную и височную кости, сохраняя разрез идеально ровным, пока не доходит, наконец, к надбровным дугам.

В этот момент прямая линия перестает иметь значение. Это место помечают – Х. Доктор Колдуэлл делает разрез от верхнего левого угла в правый нижний, а затем из нижнего левого в верхний правый – два глубоких надреза пересекаются прямо между глаз подопытного.

Мерцание глаз в молниеносной саккаде, фокусировка и расслабление в многочасовой напряженной работе.

Подопытный мертв, но патоген, который управляет его нервной системой, несколько не напуган тем, что потерял управление телом. Он до сих пор капитан этого тонущего корабля и знает, чего хочет.

Доктор Колдуэлл углубляет разрезы, пересекающиеся в передней части черепа, потому что пазуха субъекта в состоянии аффекта удваивает толщину кости в этом месте.

Затем она кладет скальпель и берет отвертку – из набора ее отца, который он получил в подарок от издательства Ридерс Дайджест более тридцати лет назад.

Следующая часть операции очень трудна и требует большого мастерства. Она прощупывает разрезы концом отвертки, слегка раздвигая их. Здесь главное – не задеть отверткой мозг.

Подопытный вздыхает, хотя кислород ему больше ни к чему. «Скоро закончим», – говорит доктор Колдуэлл и спустя секунду чувствует себя глупо – эта фраза не имеет никакой ценности с медицинской точки зрения.

Она видит, что Селкрик наблюдает за ней с почти нескрываемой улыбкой. Оскорбленная, она щелкает пальцами, делая Селкрик знак, чтобы та снова передала ей скальпель.

Теперь ее работа требует ювелирной точности – ощупать череп концом отвертки, – нужно понять, где разрезы не так глубоки, как нужно, и обновить их скальпелем, постепенно выравнивая верхушку черепа в один свободно лежащий кусок.

Самая сложная часть теперь пройдена.

Поднимая переднюю часть черепа, Колдуэлл освобождает ее от мозговых нервов и кровеносных сосудов при помощи скальпеля номер 10, пока она не начинает отходить свободно. После того как показывается спинной мозг, она отрезает и его.

Но она не пытается вытащить весь мозг сразу. Теперь, когда он свободно лежит в черепной коробке, она отдает скальпель доктору Селкрик и берет «курносые» плоскогубцы, при помощи которых очень осторожно удаляет острые кости, гордо торчащие из отверстия, сде-

ланного ею в черепе. Сложно представить, как мозг может пройти через этот импровизированный люк (попробовать еще раз).

Сейчас она поднимает его, аккуратно держа кончиками пальцев снизу.

И кладет, очень осторожно, на разделочную доску.

Подопытный номер 22, которого звали Лиам, если вы, конечно, признаете идею давать имена этим существам, продолжал смотреть на нее. Но это не значит, что он был жив. Доктор Колдуэлл считает, что смерть наступает, когда патоген через кровь попадает в мозг. То, что остается, несмотря на слабое биение сердца (около 10 ударов в минуту) и способность разговаривать, уже нельзя назвать человеком. Этому существу можно дать любое имя, мужское или женское. Но это паразит.

Паразит, чьи потребности и инстинкты кардинально отличаются от человеческих, является очень прилежным управляющим. Значительная часть органов продолжает работать под его давлением даже без связи с мозгом, который вот-вот разрежут на тонкие ломтики и зажмут стеклянными пластинами.

– Может, вытащить оставшуюся часть спинного мозга? – спрашивает доктор Селкрик. Этот умоляющий тон вызывает презрение у доктора Колдуэлл. Она похожа на нищего, просящего не деньги или еду, а милостыню. *Не заставляй меня делать ничего мерзкого и тяжелого.*

Доктор Колдуэлл готовит бритву и даже не оборачивается: «Конечно, вперед».

Она бесцеремонна, даже угрюма, потому что эта часть процедуры оскорбляет ее профессиональную гордость. Это единственное, что может заставить ее пригрозить кулаком несуществующему богу. Она читала о том, как мозги разрезали в старые добрые времена, еще до Катастрофы. Тогда был прибор под названием АСУ – Автоматизированный станок с ультразвуком. При помощи алмазного лезвия он позволял получать сверхтонкие срезы биологической ткани (в том числе и мозгов) толщиной в несколько десятков нанометров. Тридцать тысяч срезов в одном миллиметре!

Лучшее, на что способна гильотина доктора Колдуэлл, не смазывая и не повреждая хрупкие структуры, на которые она хочет посмотреть, – всего лишь десять срезов в одном миллиметре.

Позовите Роберта Эдвардса, Элизабет Блекберн, Гюнтера Блобеля, Кэрл Грейдер, да любого молекулярного биолога, получившего Нобелевскую премию, и посмотрите, что они смогут сделать.

Колдуэлл уверена, что у нее (или у него) был автоматизированный станок ультразвуком, трансмиссионный электронный микроскоп ТИМ 0.5, система визуализации живых клеток и целая армия аспирантов, стажеров и лаборантов для тупой рутинной обработки данных. И все это для того, чтобы лауреат Нобелевской премии мог спокойно танцевать вальс со своей чертовой музой под луной.

А на ее руках, пока она пытается спасти мир, как будто бы варежки вместо хирургических перчаток. У нее был однажды шанс сделать все стильно. Но из этого ничего не вышло, и вот она здесь. Одна, но зато сама себе начальник. Продолжает бороться.

Несчастная жалоба Селкрик вырывает ее из бесцельных мечтаний: «Спинной мозг разрывается, доктор. Начиная с двенадцатого позвонка».

– Бросьте его, – бормочет она, даже не пытаясь скрыть свое презрение.

8

Сто семнадцать дней прошло с тех пор, как Лиама и Марцию увезли.

Мелани продолжает думать о них, но так и не решилась спросить мисс Джустин или кого-то еще о случившемся. Однажды только она поинтересовалась у мистера Виттакера, что означают слова «две маленькие уточки». Она помнит, что доктор Колдуэлл произнесла это выражение в тот день.

У мистера Виттакера был один из тех странных дней, когда он приходит на уроки с бутылкой, наполненной до краев лекарством, от которого ему сначала становится лучше, а потом значительно хуже. Мелани видела этот странный и пугающий процесс много раз и научилась предсказывать его стадии. Мистер Виттакер заходит в класс нервный и раздражительный, ругая детей за все, что они говорят или делают.

Потом он выпивает лекарство, которое растекается внутри него, как чернила в воде (мисс Джустин показала однажды такой фокус). Его тело расслабляется, проходят нервные тики и содрогания. Его мозг тоже расслабляется, и на непродолжительное время мистер Виттакер становится мягким и вежливым. Если бы он только мог на этом остановиться, было бы просто замечательно, но он продолжает пить, и чудо проходит. Нет, он не становится снова сварливым. То, во что он превращается, куда хуже и отвратительней. Мелани даже не знает, как это назвать. Он грязнет в своем горе и в то же время пытается вырваться из себя, будто внутри него есть что-то, к чему совсем не хочется прикасаться. Иногда он плачет и просит прощения – но не у детей, а у кого-то еще, которого нет в классе и чье имя постоянно меняется.

Хорошо зная эту последовательность, Мелани задала свой вопрос в самый благоприятный момент:

– Что означают «две маленькие уточки», о которых говорила доктор Колдуэлл? Почему она упомянула их в тот день, когда забрала Марцию и Лиама?

– Это из игры, которая называется «Бинго», – отвечает ей мистер Виттакер, его голос только начинает дрожать, – в ней у каждого игрока есть карточка с числами от 1 до 100. Ведущий называет номера наугад, и первый, кто закроет все номера, побеждает.

– А две маленькие уточки это приз? – спросила Мелани.

– Нет, Мелани, это кодовое название одного номера. У каждого числа есть своя фраза или слово. Две маленькие уточки – двадцать два, на бумаге они очень похожи, смотри, – сказал он и нарисовал число на доске. – Видишь? Они как две плавающие уточки.

Мелани считает, что они все же больше похожи на лебедей, но игра «Бинго» ей не понравилась. Значит, доктор Колдуэлл всего лишь назвала номер Лиама дважды, уточняя, что выбирает именно его.

Но для чего?

Мелани думала о числах. Ее секретный язык использует их – разное число поднятых пальцев на правой или левой руке, или дважды на правой, если левая привязана к креслу. Таким образом, получается шесть раз по шесть разных комбинаций (сжатый кулак тоже сигнал) – достаточно для всех букв алфавита и специальных знаков для учителей, доктора Колдуэлл и сержанта плюс вопрос и знак «шучу».

Сто семьдесят дней означают, что сейчас лето. Может, мисс Джустин снова принесет мир в класс – покажет, что такое лето, как уже показала весну. Но она изменилась в последнее время. Иногда забывает, о чем говорит, обрывается на полуслове и долго молчит, перед тем как снова начать говорить, причем совсем не о том, о чем говорила раньше.

Она стала больше читать вслух, а играть и петь песни – намного меньше.

Может быть, ей грустно из-за чего-то. Эта мысль приводит Мелани в отчаяние и заставляет злиться. Она хочет защитить мисс Джустин, хочет знать, кто посмел сделать ее грустной. Если бы она могла это узнать, она даже не знает, что бы сделала с ним, но уверена, что он (или она) очень долго извинялся бы.

И когда она начинает думать, кто же это мог быть, ей на ум приходит только одно имя.

И вот его обладатель заходит сейчас в класс, возглавляя полдюжины своих людей, хмурое лицо наискось перечеркнуто диагональным шрамом. Он кладет руки на подлокотники кресла Мелани, поворачивает его и выталкивает из класса. Он делает это быстро и резко, как и многое другое. Подкатив кресло к камере (Мелани), он ногой открывает дверь и так резко и внезапно разворачивает кресло, что тошнота подкатывает к ее горлу.

Двое из людей сержанта заходят за ним внутрь, но никуда не идут. Они смиренно стоят и ждут, пока он не подаст им знак кивком. Один из них достает пистолет и берет Мелани на мушку, а другой начинает отстегивать ремни, сначала освобождают шею, затем спину.

Мелани ловит взгляд сержанта, чувствуя, как что-то внутри нее сжимается в кулак. Это он виноват в том, что мисс Джустин грустно. Обязательно он. Ведь грустить она начала после того, как он рассердился и сказал, что она нарушила все правила.

– Посмотри на себя, – говорит он Мелани. – Лицо все перекошено, как будто у тебя есть чувства. Господи боже!

Мелани с ненавистью смотрит на него в упор:

– Если бы у меня был ящик со всем злом в мире, – сквозь зубы говорит она, – я бы приоткрыла его совсем чуть-чуть и затолкала вас внутрь. А после закрыла бы навсегда.

Сержант смеется, и в его смехе слышатся нотки удивления – он не может поверить в то, что только что услышал.

– Что ж, дерьмово, – говорит он. – Я бы лучше никогда не подпускал тебя к этой коробке.

Мелани возмущена тем, что он так легко высмеял самую большую обиду, которая сидела в ней. Она бросает все, отчаянно пытаясь поднять ставки в этом разговоре.

– Она любит меня! – проговаривается она. – Вот почему она гладила мои волосы! Потому что любит меня и хочет быть со мной! И все, что вы сказали, огорчило ее, она ненавидит вас! Ненавидит так сильно, как ненавидела бы голодного!

Сержант уставился на нее, с его лицом начало что-то происходить. Удивление сменил испуг, а затем – гнев. Пальцы больших рук медленно сжимаются в кулаки.

– Я разорву тебя, несчастная тварь! – сдавленно произносит он.

Люди сержанта смотрят на происходящее с нескрываемой тревогой. Им кажется, они должны что-то сделать, но не понимают, что именно. Один из них говорит: «Сержант Паркс...» – но продолжения не следует.

Сержант выпрямляется, делает шаг назад и пожимает плечами.

– Здесь мы закончили, – говорит он.

– Она все еще пристегнута, – говорит один из его людей.

– Очень плохо, – отвечает сержант. Он оставляет дверь открытой и выжидательно смотрит на одного, потом на другого, пока они не сдаются и не уходят, оставив Мелани в камере.

– Сладких снов, девочка, – говорит сержант. Он захлопывает дверь, она слышит удаляющиеся шаги.

Один.

Два.

Три.

9

– Я сомневаюсь в вашей объективности, – доктор Колдуэлл говорит Хелен Джустин. Джустин молчит, но ее лицо говорит – *Неужели?*

– Мы исследуем эти объекты не просто так, – продолжает Колдуэлл. – Вы могли не заметить этого из-за невысокого уровня поддержки, что мы получаем, но наши исследования имеют несоразмерно большее значение.

Джустин продолжает молчать, и Колдуэлл кажется, что нужно чем-то заполнить образовавшийся вакуум. А может, и переполнить:

– Не будет преувеличением сказать, что выживание нашей расы может зависеть от того, выясним мы или нет, почему у этих детей инфекция не развивалась так, как в других девятиности девяти и девятистах девятиности девяти тысячных процента случаев. Наше выживание, Хелен. Вот каковы ставки. Какая-то надежда на будущее. Какой-то способ выбраться из этого беспорядка.

Они в лаборатории, отвратительной мастерской Колдуэлл, в которой Джустин редко бывает. Сейчас она здесь только потому, что Колдуэлл позвала ее. И эта база, и эта миссия находятся под юрисдикцией военных, но Колдуэлл все равно остается ее боссом, поэтому, когда приходит вызов – она должна ответить. Она должна покинуть класс и посетить камеру пыток.

Мозги в банках. Тканевые культуры, в которых угадываются человеческие конечности и органы, образуют скомканные тучи серой грибковой материи. Рука и предплечье – детские, конечно, – вырваны и разрезаны, кожа зажата металлическими щипцами, в нее вставлены желтые пластиковые штыри, отделяющие мышцы от верхних слоев кожи, которые и нужно исследовать. В комнате привычный беспорядок, жалюзи всегда опущены, чтобы держать окружающий мир на клинически оптимальном расстоянии. Свет – абсолютно белый, невероятно интенсивный, пронизывающий, исходит из люминесцентных ламп, висящих под потолком.

Колдуэлл готовит слайды для микроскопа, используя лезвие, чтобы разрезать на пластинки то, что напоминает язык.

Джустин не вздрагивает, не отворачивается. Она старается смотреть на все, что здесь происходит, поскольку является частью этого процесса. Делая вид, что она ничего не замечает, ее прошлое безвозвратно растворяется за горизонтом лицемерия, падая в черную дыру солипсизма.

Господи, она может превратиться в Кэролайн Колдуэлл.

Которая фактически является частью невероятно большого танка под названием «Спасение человеческой расы» еще с первых дней после Катастрофы. Пара десятков ученых, секретная миссия, секретное правительственное обучение – самое крупное предприятие в быстро тонущем мире. Многих позвали, но лишь единицы были избраны. Колдуэлл была одной из лучших, в первых рядах, когда двери перед ней захлопнулись. Неужели это до сих пор не дает ей покоя? Сводит с ума?

Это было так давно, что Джустин успела забыть большую часть деталей. Через три года после первой волны инфекций распадающиеся страны развитого мира ошибочно сочли, что достигли дна. В Великобритании число инфицированных стабилизировалось, и начали обсуждать дальнейшие действия. Маяк собирался найти вакцину, восстановить города и столь желанный всеми статус-кво.

На этой радостной волне были созданы две мобильные лаборатории. Они не были построены с нуля – не хватило бы времени. Вместо этого их соорудили на скорую руку,

экспроприировав два автомобиля, принадлежащих ранее Лондонскому Музею естественной истории.

Предназначенные для того, чтобы быть передвижными выставками, Чарльз Дарвин и Розалинд Франклин – «Чарли» и «Рози» – стали огромными передвижными научными станциями. Каждый был длиной с автопоезд и почти в два раза шире. Оба были оборудованы самыми современными биологическими и химическими лабораториями плюс кабины для шести исследователей, четырех охранников и двух водителей. Министерство обороны (точнее то, что от него осталось) также приложило руку к их созданию – оба получили гусеницы, внешние броневые листы толщиной в дюйм и по паре крупнокалиберных пулеметов и огнеметов (на носу и в хвосте).

Великие зеленые надежды, как их прозвали, были оборудованы с таким размахом, какой только можно было тогда себе вообразить. Политики надеялись стать героями грядущего возрождения человечества, произносили речи, стоя на них, и разбивали бутылки шампанского об их борта. Они отправились в путь со слезами и молитвами.

В небытие.

Все развалилось очень скоро – передышка была уловкой, созданной могущественными силами, отменившими друг друга. Инфекция продолжила распространяться, и глобальный капитализм продолжал разрывать себя на части – как два гиганта едят друг друга на картине «Осенний каннибализм» Дали. Никакое количество мастеров пиара не смогут ничего сделать перед лицом Армагеддона. Он прошелся по баррикадам и был таков (получил удовольствие).

Никто больше не видел тех отобранных для секретной миссии гениев. Они остались во втором дивизионе, на скамейке запасных, заняли второй ряд. *Только Кэролайн Колдуэлл может спасти нас!* Боже, черт тебя побери, помоги нам.

– Вы притащили меня сюда не для того, чтобы я была объективной, – напомнила Джустин своей начальнице, удивившись, что голос ее не становится тише. – Вы взяли меня, потому что вам нужны психологические оценки в дополнение к сырым данным, полученным из вашего собственного исследования. Если же я цель, то я бесполезна. Я думала, что весь смысл был в моем взаимодействии с детской психикой.

Колдуэлл уклончиво покачала головой и сжала губы. Она каждый день использует помаду для создания хорошего впечатления, несмотря на ее дефицит; создает позитивный настрой в мире. В возрасте ржавчины она остается нержавеющей сталью.

– Взаимодействие? – говорит она. – С ним все в порядке, Хелен. Я говорю о том, что за его пределами. – Она кивает на стопку бумаг, сложенных на рабочем столе, рядом с чашками Петри и коробками для слайдов. – Тот лист, что наверху. Это обычные копии запросов в Маяк, что вы отправляли. Вы хотели, чтобы они ввели мораторий на физические испытания объектов.

Нет смысла спорить.

– Я просила вас отправить меня домой, – говорит Джустин. – Семь раз, по разным причинам. Вы отказали.

– Вас привезли сюда для выполнения определенной работы, которая все еще не сделана. Поэтому я предпочитаю не разрывать с вами контракт.

– В этом случае вам придется смириться с последствиями, – говорит Джустин. – Если бы я вернулась в Маяк, возможно, мне удалось бы найти другой способ. Если же вы оставляете меня здесь, вам остается только терпеть небольшие неудобства в лице меня, имеющей совесть.

Губы Колдуэлл сузились в одну тонкую линию. Она дотрагивается до лезвия и передвигает его так, чтобы оно было параллельно краю стола.

– Нет, – говорит она, – дело не в этом. Я определяю программу, и вы играете в ней определенную роль. И эта роль до сих пор очень важна, поэтому мы сейчас разговариваем. Я обеспокоена, Хелен. Вы, кажется, совершили фундаментальную ошибку, осудив нас, и пока вы ее не исправите, она будет заражать все ваши исследования. Вы станете не просто бесполезной, вы превратитесь в обузу.

Фундаментальная ошибка. Джустин искренне сомневается в том, что Колдуэлл сама не совершает их, но торговаться сейчас бессмысленно.

– Разве не очевидно для вас, – говорит она вместо этого, – что детская психика находится в человеческих рамках. Более того, она почти точь-в-точь ее повторяет.

– Это ваш отчет?

– Нет, Кэролайн. Это мои наблюдения. Видимые. Эмоциональные. Ассоциативные. Рабочие.

Колдуэлл пожимает плечами:

– Ну, в рабочие наблюдения нужно включить их первоклассные рефлексy. Те, кто испытывает неутолимый голод при одном запахе человеческой плоти, не совсем вписываются в пределы нормальных человеческих параметров, не так ли?

– Вы понимаете, о чем я.

– Да. А вы знаете, что не правы. – Колдуэлл не повысила голос и не выказала никаких признаков злобы, или раздражения, или разочарования. Она, как учитель, подвергла лепет ученика логической критике, дабы исправить его и пойти дальше по программе. – Испытуемые не люди, они – голодные. Отлично обученные голодные. Тот факт, что они умеют разговаривать, заставляет нас сопереживать им, и это делает их гораздо опасней обычных голодных, с которыми мы, как правило, сталкиваемся. Держать их здесь, внутри периметра, уже риск – вот почему нас отправили так далеко от Маяка. Но информация, которую мы собираемся получить, с лихвой покроет все риски. Она оправдает все.

Джустин засмеялась – тяжелые комки воздуха, с трудом вырывающиеся из груди. Это должно быть сказано. Без этого никуда.

– Вы разрезали двух детей, Кэролайн. И сделали это без наркоза.

– Они не реагируют на анестезию. Клетки их мозга имеют такую крошечную липидную фракцию, что альвеолярные концентрации никогда не пересекают порог их чувствительности. Это само по себе должно сказать вам, что онтологический статус испытуемых находится под сомнением.

– Ты разрезала *детей!* – повторила Джустин. – Боже мой, ты как злая ведьма в сказке. Я знаю, что у тебя есть разрешение. Ты уже разрезала семерых, да? Еще до того, как привезли меня. До того, как ты вызвала меня сюда. А остановилась, потому что не было изменений. Ничего нового ты уже не находила. Но теперь ты игнорируешь это и начинаешь снова. Так что да, я отправляла запросы в Маяк, надеялась, что там не все сошли с ума.

Джустин понимает, что говорит слишком громко и резко. В наступившей тишине она ждет слов «Вы уволены». Какое это будет облегчение. Все будет кончено. Она забудет все, как только ее отправят обратно в Маяк. Это станет проблемой кого-то другого. Конечно, она попытается спасти детей, если представится шанс, но их нельзя спасти от этого мира. Из него не убежишь.

– Я бы хотела тебе кое-что показать, – сказала Колдуэлл.

Джустин не ответила. Невидящим взглядом она наблюдала за Колдуэлл, которая пошла в другую часть лаборатории и вернулась со стеклянным аквариумом в руках, в котором была выращенная ею тканевая культура. Эта старшая, ей уже несколько лет. Аквариум, восемнадцать дюймов в длину, двенадцать в ширину и десять в высоту, весь заполнен плотной массой мелких темно-серых нитей. Сахарная вата со вкусом чумы, подумалось Джустин.

Невозможно описать, на что похожа эта масса; источник ее терялся в токсичных пенах, исходящих от него.

– Это все один организм, – сказала Колдуэлл с гордостью и, возможно, даже с извращенной привязанностью в голосе. И уточнила: – Теперь мы знаем, что это за организм. Нам наконец-то удалось это выяснить.

– Мне казалось, это довольно очевидно, – сказала Джустин.

Колдуэлл совсем не смущает сарказм.

– О, мы знали, что это грибок, – согласилась она. – Было предположение, что патоген голодных должен быть изначально или вирусом, или бактерией. Быстрое начало и несколько векторов инфекции, казалось, указывали в этом направлении. Но было и множество доказательств в пользу грибковой гипотезы. Если бы Катастрофа не произошла так быстро, организм был бы изолирован в течение нескольких дней.

Но... нам пришлось ждать. В хаосе тех первых недель многие данные были безвозвратно утеряны. Все тесты, делавшиеся на первых жертвах, были прекращены, когда эти жертвы начали нападать на врачей и ученых, пытавшихся разобраться, в чем дело. Распространение чумы по экспоненте убеждало нас, что такой сценарий будет разыгрываться снова и снова. Ученые, которые могли бы рассказать нам самое важное, были уже заражены.

Колдуэлл говорила сухим, безжизненным тоном лектора, но выражение ее лица менялось, когда она опускала глаза на то, что являлось ее Немезидой и одновременно смыслом всей ее жизни.

– Если выращивать патоген в сухой, стерильной среде, – говорила она, – он в конечном счете раскроет свою истинную природу. Но его рост протекает очень медленно. Удивительно медленно. У голодных лишь через несколько лет появляются первые признаки на коже – вздутые темно-серые вены или шершавые пятна. В аквариуме этот процесс еще медленней. Данному образцу двенадцать лет, и он еще молод. Половые признаки – спорангии или гимены – не сформировались. Вот почему заразиться можно только от укуса голодного или прямого контакта с ним. После двух десятилетий в сухой среде патоген так и не начинает процесс размножения. Он может делиться только в питательном растворе. В идеале – в человеческой крови.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – спросила Джустин. – Я читала литературу.

– Да, Хелен, – согласилась Колдуэлл, – но это я ее написала. И продолжаю писать. Благодаря тканям, взятым из хорошо сохранившихся голодных – одна из них перед тобой, – я смогла установить, что голодный патоген – это старый друг в новом костюме. Офиокордицепс однобокий.

Мы впервые столкнулись с этим паразитом у муравьев. Его поведение было ужасно. Тот документальный фильм останавливался на каждой зловещей детали.

То же делала и Колдуэлл, хотя никакой нужды в подробной детализации не было. Когда она впервые поняла, что голодный патоген – это мутировавший Кордицепс, она была настолько счастлива, что должна была поделиться открытием. Она уговорила Маяк утвердить образовательную программу для всего персонала базы. Они поделились в столовой на группы по двадцать человек в каждой, а Колдуэлл начала представление, включив вырезки из документального фильма Дэвида Аттенборо, вышедшего на экраны за двадцать лет до Катастрофы.

Прекрасно поставленный голос Аттенборо, как мед из английского загородного сада, описывал, с непонятым придыханием, как споры Офиокордицепса дремлют на лесной почве в условиях повышенной влажности, к примеру, в тропических лесах Южной Америки. Муравьи-листорезы подбирают их, не замечая, потому что споры липкие. Они прицепляются к нижней части грудной клетки или живота муравья. После присоединения окутывают муравья тонкими нитями и атакуют его нервную систему.

Гриб пожирает муравья.

На экране показывают муравьев в конвульсиях, тщетно пытающихся содрать с себя липкие споры быстрыми, судорожными взмахами ног. Не помогает. Споры уже проникли в тело, а нервная система наполняется множеством иноземных химических веществ, которые отлично заменяют собственные нейротрансмиттеры.

Гриб садится за руль, упирает педаль газа в пол и уводит муравья прочь. Заставляя его забираться так высоко, как он только может, – к листику на высоте пятидесяти футов над землей, в который он вгрызается своими челюстями.

Гриб проходит через все тело муравья и вырывается из головы – череп сжираемого изнутри насекомого начинает напоминать фаллический спорангий. Спорангий выплескивает наружу тысячи спор, которые разлетаются на мили, падая с большой высоты. Что, конечно, и является смыслом упражнения.

Тысячи видов Кордицепса, каждый из которых специалист по конкретному виду муравьев.

Но в какой-то момент Кордицепсы объединились, чтобы не быть такими привередами. Они перепрыгнули сначала видовой барьер, затем родовой, семейный, порядковый и, в конце концов, классовый. Они пробились на самый верх эволюционного дерева, предположив на мгновение, что у него тоже есть верхушка.

– Это, – сказала Колдуэлл, положив руку на запечатанную крышку аквариума, – это то, что в головах наших подопытных. В их мозгах. Когда вы заходите в класс, вы думаете, что говорите с детьми. Но это не так, Хелен. Вы говорите с тем, что убило детей.

– Я не верю в это, – сказала Джустин, покачивая головой.

– Я боюсь, не имеет значения, во что вы верите.

– Они проявляют поведенческие реакции, не имеющие никакого отношения к выживанию грибка.

– Да, конечно, они проявляют. – Колдуэлл отмахнулась. – Неосознанно. Офиокордицепс не пожирает всю нервную систему сразу. Но если один из тех, кого вы считаете своими учениками, почувствует запах человеческой плоти или человеческих феромонов, вы будете иметь дело с грибком. Первое, что он делает – устанавливает контроль над опорно-двигательной системой и основными рефлексам. Размножается он в слюне в основном. Укус дает питание паразиту и в то же время распространяет инфекцию. Отсюда и чрезмерная осторожность, с которой мы содержим испытуемых. И следовательно, – она вздохнула, – необходимость этой лекции.

Джустин почувствовала острое желание отстоять свою позицию во что бы то ни стало. Она схватила крышку аквариума и открыла ее.

Колдуэлл беззвучно вскрикнула и отшатнулась, заслонив ладонью губы.

Затем она осознала, что делает, опустила руку и пристально посмотрела на Джустин. Ее корабль безразличия дал пробойну ниже ватерлинии.

– Это было очень глупо, – проговорила она.

– Но не опасно, – отметила Джустин. – Ты же сама сказала. Полное отсутствие половых органов. Никаких спор. Никакой возможности для грибка распространяться по воздуху. Ему нужны кровь, пот, слюна и слезы. Видишь? Ты ошиблась, это свойственно всем – увидела риск там, где его в действительности нет.

– Это плохая аналогия, – сказала Колдуэлл. – Здесь можно запросто переоценить риск, дело не в этом. Опасность состоит в том, игнорируешь ты ее или нет.

– Кэролайн, – Джустин пытается до нее достучаться. – Я не утверждаю, что мы должны остановить программу. Нужно просто изменить подход.

– Я готова, – улыбается она. – Именно поэтому первым делом я пригласила психолога присоединиться к нашей команде. – Улыбка исчезает, неизбежный отлив. – *Моей команде.*

Ваши методы являются дополнением к моим, естественно, когда я в них нуждаюсь. Вы не диктуете свои условия и не разговариваете с Маяком, не сообщив мне. Вы поняли, Хелен, что мы здесь под военной юрисдикцией, а не гражданской? Думали когда-нибудь об этом?

– Не часто, – признала Джустин.

– А стоило бы. Разница велика. Если я решу, что вы мешаете моей программе, и сообщу об этом сержанту Парксу, вас не отправят домой.

Она обводит Джустин неуместно нежным и обеспокоенным взглядом:

– Вы будете расстреляны.

Наступила тишина.

– Я заинтересована в том, что происходит у них в голове, – сказала наконец Колдуэлл. – В основном я могу это узнать, исследуя физические структуры под микроскопом. Когда не получается, я смотрю ваши отчеты и ожидаю увидеть в них ясную, рациональную оценку хорошо обоснованной гипотезы. Вам ясно?

Долгая пауза.

– Да, – говорит Джустин.

– Хорошо. В таком случае, для начала, я бы хотела, чтобы вы перечислили номера испытуемых в порядке их важности для вашей работы – на данный момент. Скажите, какие вам все еще нужны для наблюдения и насколько они вам нужны. Я постараюсь взять это во внимание при выборе следующих подопытных для исследования. Нам нужно провести массу сравнительных анализов. Мы застряли, а для любых новых идей нам нужны пачки сухих данных – это единственное, о чем я могу думать сейчас. В связи с этим я планирую забрать на обработку половину всех имеющихся у нас экземпляров в ближайшие три недели.

Джустин не может принять этот удар, не дрогнув:

– Половина класса? – повторяет она тихо. – Но это... Кэролайн! Господи!..

– Половина подопытных, – настаивает Колдуэлл. – Половина оставшейся у нас пищи для исследований. *Класс* – это лабиринт, который вы построили для них. Не нужно материализовывать его для ближайшего рассмотрения. Мне нужен список до воскресенья, но чем раньше – тем лучше. Мы начнем работу в понедельник утром. Спасибо, что уделите мне свое время, Хелен. Если есть что-нибудь, что я или доктор Селкрик можем сделать, просто дай нам знать. Но окончательное решение, конечно, за тобой. Свободу выбора ведь никто не отменял.

Джустин опомнилась, когда была на открытом воздухе и шла куда глаза глядят. Солнце светило ей в лицо, и она свернула в сторону. Она уже достаточно разгорячилась сегодня.

Половина оставшихся...

Ее разум сталкивается со словами и отправляет их куда подальше.

В другой раз она могла бы восхититься тем, насколько мужественно Колдуэлл признает свои ошибки. *Мы застряли*. Она настолько слилась с проектом, что собственные переживания ее больше не тревожат.

С другой стороны: *окончательное решение за вами*. Это чистый садизм. Служить у моего алтаря, Хелен. Вы даже можете определить жертв, здорово, не так ли?

Половина...

Центр не выдержит, и все развалится. Переполненные страхами, неуверенные в себе, они будут еще долго идти вперед. Но рано или поздно они зададут ей вопросы, на которые у нее не будет ответов. Ей придется выбирать между исповедью и уклонением от расплаты, хотя и то и другое, вероятно, приведет к полнейшей катастрофе.

Чего она, наверное, и заслуживает. Детоубийца. Устроитель массовой резни с ангельской улыбкой на лице. Мысль о том, как Паркс приставляет пистолет к ее голове, сейчас обладает особым шармом.

Тут она врезается в него. Паркс опомнился первым и осторожно взял ее за плечи, чтобы успокоить.

– Эй, – сказал он. – Вы в порядке, мисс Джустин?

Его широкое, плоское лицо, ставшее асимметричным и безобразным из-за шрама, излучает дружескую заботу.

Джустин выпуталась из его рук, и гнев вспыхнул на ее лице. Паркс заморгал, увидев настоящие эмоции, но не понял, откуда они взялись.

– Я в порядке, – сказала Джустин, – убирайтесь с моей дороги, пожалуйста.

Сержант жестом указал на забор за его спиной.

– Сторожевой заметил движение в том лесу, – сказал он. – Мы не знаем, голодные это или нет. В любом случае, за периметр сейчас выходить запрещается. Извините. Именно поэтому я пытался остановить вас.

Движение на средней дистанции, в направлении, куда он указывал, отвлекло ее на секунду, поэтому пришлось заново собраться с мыслями.

Она сталкивается с ним, пытаясь перевести дыхание и спрятать вырывающиеся из нее эмоции, чтобы он ни в коем случае их не увидел. Она не хочет, чтобы он понял ее, даже на таком поверхностном уровне.

Думая о том, что он только что видел, что мог знать или думал, что знает о ней, она внезапно осознала всю унижительность своего положения. Когда Паркс увидел, что она нарушает неприкосновенность подопытных, он угрожал ей увольнением. Но дальше ничего не последовало. До настоящего времени.

Паркс пошел и рассказал все Кэролайн Колдуэлл. Она в этом не сомневается. Четыре месяца паузы между инцидентом с Мелани и этим выговором не ставят под сомнение это убеждение. Такие вещи медленно просачиваются сквозь бюрократию, наслаждаясь своеобразным медовым месяцем.

Она должна бороться с желанием врезать Парксу по его и без того обезображенному лицу. Может, попытаться найти изъян или точку давления, чтобы разнести его на куски и навсегда стереть из своей жизни?

– Я все еще здесь, сержант, – говорит она ему, стараясь ужалить в неповиновение. – Вы донесли ей на меня, а все, что она сделала, – ударила меня по руке и заставила делать работу над ошибками.

Складки на лбу Паркса, до которых не добралась еще рубцовая ткань, зашевелились.

– Простите? – сказал он.

– Не извиняйтесь. – Она начала ходить вокруг него, но тут вспомнила, что не может на ходу постоянно разворачиваться, поэтому остановилась вполоборота и на секунду взглянула на него.

– О чем вы? – быстро проговорил сержант. – Я не докладывал доктору Колдуэлл о случившемся.

Его слова звучат так, как должны. Будто он на самом деле хочет, чтобы она поверила ему.

– Ну тогда вам стоит, – сказала Джустин. – Это отличный способ избавиться от меня. Не портите свой высший балл, сержант.

Что-то отдаленно напоминающее горе по-новому перечеркнуло лицо Паркса.

– Послушайте, – сказал он. – Я пытаюсь вам помочь. Серьезно.

– Помочь мне?

– Да. Я много лет провел за периметром. И пережил больше зачисток, чем кто-либо еще. Я имею в виду действительно жесткие вещи. Внутренний город.

– И?

Паркс грузно пожал плечами и замолк, будто исчерпав свой словарный запас (который у него, в отличие от кулака, бьет не так больно).

– Поэтому я знаю, о чем говорю, – сказал он наконец. – Я знаю голодных. Вы не проживете за оградой и недели, если не отработаете движения. Если не научитесь отличать то, что просто живет рядом, от того, что хочет вас убить.

Джустин демонстрирует полное равнодушие. Она знает, что это заденет его сильнее, чем любое проявление гнева.

– Я не за оградой.

– Но вы с ними работаете. Каждый день. И не проявляете никакой осторожности. Черт, да ты трогала эту штуку. Ты ее гладила, – говорит он нерешительно.

– Да, – соглашается Джустин, – Шокирует, не так ли?

– Это глупо. – Паркс качает головой, будто стараясь смахнуть муху, что села на него. – Мисс Джустин... Хелен... правила введены не на пустом месте. Если ты будешь их соблюдать, они спасут тебе жизнь. Это в твоих же интересах.

Она не потрудилась ответить и просто уставилась на него.

– Хорошо, – сказал Паркс. – Тогда мне придется взять эту ситуацию в свои руки.

– О, вам придется?

– Это моя обязанность.

– Взять в свои руки?

– Безопасность этой базы является...

– Вы хотите надеть на меня наручники, сержант?

– Я не собираюсь гладить ваши волосы, – сказал он раздраженно. – Я в состоянии следить за порядком в своем чертовом доме.

Она внезапно заметила что-то странное в его лице. Он ходит кругами вокруг чего-то.

– Что вы натворили? – спросила она, шагнув к нему.

– Ничего.

– Что вы сделали?

– Ничего такого, что вас касается.

Он продолжал говорить, когда она пошла прочь. Но слова не сложно выбросить из головы. Это ведь просто слова.

К тому времени, когда она оказалась возле учебного блока, она поняла, что бежит.

10

Когда тебе мало того, что нечего делать, так еще и пошевелиться невозможно, время идет очень медленно.

Ноги Мелани и ее левую руку, до сих пор пристегнутые к креслу, мучительно свело судорогой, но произошло это так давно, что судорога уже исчезла, и тело перестало сообщать ей о своем самочувствии, поэтому даже боль теперь не помогает коротать время.

Она сидит и думает, почему же сержант так внезапно пришел в ярость и что это означает? Это может означать все, что угодно, важно понять, откуда взялся гнев. Сержант разозлился только после того, как она заговорила о мисс Джустин – сказала, что та любит ее.

Мелани знакома с ревностью. Она сама ревнует каждый раз, когда мисс Джустин разговаривает с кем-то, кроме нее, в классе. Ей хочется, чтобы она всегда была только с ней. Каждый раз, заново понимая, что это невозможно, ее сердце испуганно замирает.

Но мысль, что сержант тоже может испытывать ревность, сводит ее с ума. Получается, что он не всевластен – и она как раз стоит на границе, за которой кончается его власть.

Эта идея поддерживала ее некоторое время. Но часы продолжали тянуться, и никто не приходил – несмотря на то, что она научилась подолгу ждать и ничего не делать, время тяжелым грузом давило на плечи. Она пытается рассказывать себе разные истории, но они разваливаются в ее голове. Придумывает математические задачи и решает их, но это слишком легко, когда сам создаешь себе проблемы. Ты уже на полпути к разгадке, даже не начав толком думать об этом. Она устала, но в инвалидном кресле особо не отдохнешь.

Прошло много-много времени перед тем, как она услышала поворот ключа в дверном замке и скрежет металлических штифтов. Тяжелая серая дверь с грохотом отворилась. Чьи-то шаги в коридоре эхом отзывались у нее в камере. Сержант? Он вернулся, чтобы уничтожить ее?

Кто-то подошел к камере Мелани и начал открывать дверь.

В дверном проеме стояла мисс Джустин. «Все хорошо, – сказала она. – Я здесь, Мелани. Я пришла за тобой».

Мисс Джустин делает несколько шагов к креслу и начинает с ним бороться, как Геракл с Немейским львом или Лернейской гидрой. Ремешок, стягивающий руку, легко поддается. Мисс Джей опускается на колени и берется за ремни на ногах. Правый. Потом левый. Все это время она бормочет себе под нос проклятия. «Да он ненормальный! Зачем? Зачем такое делать?» Мелани почувствовала, что давление ослабло, и кровь вновь добралась до кончиков пальцев, вызывая приятное покалывание.

Она вскочила на ноги, ее сердце готово взорваться от счастья. Мисс Джустин спасла ее! Она инстинктивно протянула к ней руки навстречу. Ей хочется, чтобы мисс Джей гладила ее волосы, руки, лицо, чтобы они обнимались вечно.

И тут же замерла как вкопанная. Ее желваки напряглись, а изо рта вырвался протяжный стон.

Мисс Джустин забеспокоилась.

– Мелани? – сказала она, протягивая к ней руку.

– Не надо! – прокричала она в ответ – Не трогай меня!

Мисс Джустин остановилась, но она так близко! Так близко! Мелани заскулила. Голова готова разлететься на мелкие кусочки. Она делает шаг назад, но онемевшие ноги еще не держат ее, и она падает на спину. Запах, замечательный, ужасный запах наполняет комнату, ее разум, ее мысли. Все, чего она сейчас хочет, это...

– Уходи! – простонала она. – Уходи, уходи, уходи!

Мисс Джустин не двигается.

– Уходи, или я уничтожу тебя! – кричит Мелани. Она в отчаянии. Ее рот полон густой слюны, похожей на грязь после оползня. Челюсти сами собой начинают стучать. Комната плывет перед глазами.

Мелани болтается над пропастью, ухватившись за самый конец тоненькой веревочки. Она вот-вот упадет, и даже знает куда.

– О боже! – всхлипывает мисс Джустин. До нее наконец доходит, и она отступает. – Прости меня, Мелани. Я совсем забыла!

Душ, нужно было принять химический душ. Среди всего многообразия запахов, что слышала Мелани, одного точно не хватало: запаха химикатов, которыми их опрыскивают каждое воскресенье и которыми пахнет от учителей.

Мелани сейчас чувствует то же, что некогда ощутил Кенни, когда сержант смыл химикат со своей руки и поднес ее вплотную к его лицу. Но тогда она лишь отдаленно поняла, что же это за чувство.

Что-то открывается в ней, чей-то рот – шире, шире, шире и все время кричит, – но не от страха, а от желания. Мелани кажется, что она нашла подходящее слово. Это голод. Когда дети едят после душа, это не из-за того, что они голодны. Личинки сваливают в миску, а вы просто кладете их в рот, без особого желания и неприязни. Но в историях, которые она слышала, все иначе. Люди хотят и должны есть, а когда поедят – чувствуют себя сытыми. Это приносит им ни с чем не сравнимое удовольствие. Мелани вспомнила песенку, которую они когда-то учили всем классом: «Ты мой хлеб, когда я голоден». Голод заставляет Мелани изогнуться, как лук Ахиллеса с натянутой тетивой. И мисс Джустин будет ее хлебом.

– Вам нужно уйти, – сказала она. Ей кажется, что сказала, потому что стук сердца, громкое дыхание и кровь гудят в ушах. Она делает знак. Уходи! Но мисс Джустин стоит как вкопанная, не зная, бежать или попытаться помочь.

Мелани с трудом поднимается, ее руки расставлены. Почти как минуту назад, когда она просила, чтобы ее взяли, но теперь она прижимает руки к животу мисс Джустин.

касаясь касаясь касаясь ее.

И сильно отталкивая прочь. Она сильнее, чем могла себе представить. Мисс Джустин отшатнулась, чуть не упав. Если бы упала, она была бы уже мертва. Превратилась бы в хлеб. Мышцы Мелани напрягаются, извиваются и завязываются в узлы под кожей. Держать их под контролем становится почти невыносимо.

Она дает им волю, облекая в рев.

Мисс Джустин пятится, спотыкаясь, выходит из камеры и захлопывает дверь. Мелани идет к двери, одновременно стараясь отойти от нее назад. Человек с большой собакой на поводке, собака тащит человека вперед, тот упирается, они оба поместились в ней, сражаются друг с другом, не обращая на нее внимания. Запах, голод наполняют ее с головы до пят, но мисс Джустин уже за дверью. Мелани скребет по ней ногтями, удивляясь глупости своих непослушных пальцев. Дверь не открыть, но животному внутри плевать на это.

Прошло много времени, прежде чем животное успокоилось. Вымотанная девочка упала на колени, упираясь лбом о холодный, непоколебимый бетон.

Над головой послышался голос мисс Джустин:

– Прости меня, Мелани. Прости меня, пожалуйста.

Она с трудом подняла голову и увидела в проеме лицо мисс Джу.

– Все хорошо, – устало сказала она. – Я не кусаюсь.

Это должно было прозвучать как шутка. Но мисс Джустин заплакала за дверью.

11

По многим причинам события того дня превратятся в скучную серую массу для Хелен Джустин. Но три вещи она усвоит хорошо и будет помнить до конца своих дней.

Во-первых, сержант Паркс был прав во всем. Когда говорил о ней и о рисках, которые она вызывает своим поведением. Увидев, как ребенок превращается в монстра прямо на глазах, она наконец приняла реальность. Нет такого будущего, где она смогла бы освободить Мелани, или спасти, или распахнуть между ними дверь.

Во-вторых, некоторые вещи материализуются, стоит лишь произнести их вслух. Когда она сказала маленькой девочке, что пришла за ней, все ее мысли перегруппировались, выстроившись за этими словами. На первый план выступил долг защищать Мелани. Это никак не связано с виной за прошлые преступления (она кристально ясно понимает, чего заслуживает) или какой-либо надеждой на искупление. Это всего лишь самая высокая точка на арке. Она взлетела так высоко, как только могла, но теперь пришло время падения, на этот раз неконтролируемого (если когда-то было обратное).

Срок, который ей поставили, подходит к концу. Она должна была выбрать из класса тех, кого положит под нож Кэролайн Колдуэлл. Что же ей теперь делать? Все пути к отступлению уже перекрыты.

В-третьих, все познается в сравнении. Всего лишь одно движение, которое она заметила за плечом Паркса, когда он предупреждал ее держаться подальше от периметра. Движение было как раз по ту сторону. Именно это отвлекло ее тогда, когда они столкнулись.

Человеческая фигура, наблюдающая за забором с опушки леса, в тени деревьев и за высокими кустарниками.

Не голодный. Голодный не стал бы держать рукой ветку, чтобы сохранить себе хороший обзор.

Значит, юнкер. Дикий человек, который никогда не попадет внутрь.

И следовательно, посчитала она, не является угрозой.

Потому что все угрозы сейчас исходят изнутри.

12

Если Эдди Паркс и уверен в чем-то на сто процентов, так это в том, что его достало это занятие.

Он привык к поисковым вылазкам, как бы далеко они ни заходили. «Захватчик мешков» называли его солдаты. Грязная работенка и чертовски опасная, но что с того? Ты знал, что будет риск, а за ним – награда. Ты взвешивал их, поскольку они имели вес. Ты понимал, зачем это делаешь. Цель и средства – все перед глазами.

И это заставляло тебя продолжать снова и снова. Лезть в районы, где ты был уверен, черт подери, что там на каждом углу будут голодные. «Внутренние города»... там плотность населения была очень большой, инфекция распространялась быстрее, чем молва о ней.

Твоя жизнь постоянно висела на волоске, потому что мир за периметром ошибок не прощает. Голодные в городе, господи боже... они стоят, как статуи, пока не заметят движения или не учуют человека. Ты с головы до ног обрызган е-блокатором, поэтому на тебя не реагируют, – можно ходить во весь рост между ними сколько влезет, главное, делать это медленно и плавно, чтобы не спугнуть их.

Такими темпами можно забраться очень далеко.

Но обязательно какой-нибудь неуклюжий ублюдок споткнется, или чихнет, или просто почешет задницу, и один из голодных заметит его, обернувшись на звук или движение. А если заметил один – заметили все. Они стартуют с места моментально и уже на всех парах несутся в одном направлении. Тут у тебя есть три варианта действий, два из которых совершенно точно тебя убьют.

Если ты застынешь как вкопанный, они накинута на тебя не задумываясь, смывая все на пути, как огромная десятиметровая волна цунами. Голодные уже вычислили тебя, и теперь им плевать, какой у тебя запах.

Если ты развернешься и побежишь, они догонят тебя. Сначала может показаться, что ты отрываешься или даже оторвался, но голодные могут бежать вприпрыжку бесконечно долго. Они не останавливаются, не сбавляют темпа и через некоторое время настигают тебя.

Остается только сражаться.

Длинная очередь по ногам в полностью автоматическом режиме. Оставшись без ног, они вынуждены ползти по-пластунски. Твои шансы немного увеличиваются. Нужно найти узкое место, где они могут нападать максимум по двое. Но невозможно поверить, сколько они впитывают свинца, продолжая двигаться.

В один прекрасный день ты столкнешься с другим врагом. Юнкеры. Оставшиеся в живых козлы, которые отказались приехать в Маяк, когда была возможность, предпочтя жить в лесах и рассчитывать только на себя. Большинство юнкеров держатся подальше от городов, как и все нормальные люди, но их диверсионные группы упорно считают все постройки в пределах пятидесяти миль от лагеря своей частной собственностью.

Поэтому, когда патруль Маяка наталкивается на отряд юнкеров-мусорщиков, получается нехилая заварушка. Юнкер оставил сержанту Парксу его шрам, совсем не романтичный, какие обычно оставляют на дуэли, а ужасный, как неровно вырытая траншея, пересекающая его лицо, похожая на узор на старом гербе. Паркс, как правило, оценивает на прочность нового рекрута, долго смотря ему в глаза, пока тот не переводит взгляд с этой чудовищной картины на свои ботинки.

У этих вылазок есть один большой минус – материал, ради которого они организованы, он лежит почти во всех домах и офисах, ожидая, когда его подберут. Старая техника, компьютеры, станки, оборудование, программное обеспечение – ко всему этому не прикасались после Катастрофы, но сделать что-либо без них невозможно. Часть ученых удалось пере-

править в Маяк, но чистое знание, когда его не к чему применить, – бесполезно. А люди, которые работали на заводах и могли бы помочь в создании различных приборов, сейчас отчаянно хотят добраться до твоей плоти, скрытой бронежилетом, и поучаствовать в конкурсе на остатки костей.

Так что старые вещи буквально бесценны. Паркс понимает это. Они пытаются изменить мир через двадцать лет после того, как он развалился, и артефакты, что патрули приносят домой... в общем, они хрупкий веревочный мост через бездонный каньон. Они всего лишь способ достать хоть что-то, что еще в хорошем состоянии.

Но он чувствует, что они заблудились. Когда впервые обнаружили этих странных детей, никто не захотел назвать их кошками в этом гребаном отчете.

Отлично, солдат. Ты же не можешь внезапно перестать смотреть, тогда получай целую кучу новых заказов. Принесите нам одного из этих детей. Давайте хорошенько изучим его/ее/это.

И техники посмотрели, и потом ученые, и всем непременно захотелось убить несколько кошек. Голодные с человеческими реакциями? Человеческим поведением? Функции человека на уровне мозга? Голодные, которые могут не только бегать и жрать? И они бегают голые и одичавшие по городам среди остальных голодных? В чем же здесь дело?

Больше заказов. Реквизируйте базу, вдалеке от всего, что еще продолжает функционировать. Установите периметр и ждите. Тогда еще нужны были вылазки в растерзанные районы Стивенсэйджа и Лутона, так что РАФ Хенлоу, казалось, отвечала всем требованиям. Она была более или менее нетронута и имела много места на земле и в железобетонных бункерах под ней плюс целая взлетно-посадочная полоса.

Они проникли туда и окопались. Дезинфицировали. Украсили. Ждали.

Однажды к Парксу пришла доктор Колдуэлл со своим белым халатом, ярко-красной помадой, микроскопом и письмом из Маяка с огромным количеством подписей и разрешений. «Теперь это мое шоу, сержант, – сказала она. – Я возьму то здание и два ангара рядом с ним. Добудьте мне еще этих детей. Столько, сколько сможете найти».

Такие дела. Раньше таким тоном заказывали три чизбургера, большую картошку и диетическую колу, когда еще было где заказать.

Оглядываясь назад, Паркс понимает, что в этот день его жизнь потеряла всякий смысл. Из диверсанта он превратился в охотника.

Но не сказать, что он был плох в этом деле. Наоборот, чертовски хорош! Выйдя за ворота, он сразу понял, что можно вычислить этих странных детей по манере передвижения. У голодных было всего два режима. Большую часть времени они стояли, не двигаясь. А когда до них доносился запах добычи, или они слышали ее, или видели, то моментально бросались в погоню. Без разминки, без предупреждения.

Но странные дети ходили и бегали, ни на кого не охотясь, поэтому отличить одних от других было просто. Реагируют они не только на еду, поэтому можно привлечь их внимание солнечным зайчиком, или фонариком, или просто куском разноцветного пластика.

Его можно вырезать из старой упаковки из-под чего угодно. Но эти фокусы нельзя проделывать, когда рядом обычные голодные. Детей нужно отлавливать там, где они одни. Отлавливать и тащить на базу.

Он и его команда достали тридцать маленьких экземпляров за семь месяцев. После того как они вошли в ритм, стало куда проще. Но тут Колдуэлл приказала им остановиться. Она сказала, что материала для исследования у нее достаточно.

Все перевернулось с ног на голову. Паркс вдруг стал ответственным за детский сад. Он защищает базу, которая только тем и занимается, что нянчится с маленькими голодными. Они получили свои собственные комнаты, такие же кровати, как у солдат, и еженедельное питание (которое если и можно съесть, то видеть точно не хочется), и даже класс для занятий.

Зачем класс?

Потому что Колдуэлл хочет знать, можно ли чему-нибудь научить этих жутких маленьких монстров. Она хочет заглянуть к ним в голову. И не только в прямом смысле слова – она раздобыла себе операционный стол для этого, – но и в переносном. Мол, о чем они думают?

Вот что думает Паркс. Обычные голодные куда более искренни по сравнению с этими монструозными детьми. В конце концов, обычных голодных можно считать животными. Они не говорят «Доброе утро, сержант», когда ты заходишь к ним в камеру.

По правде говоря, это далеко не все, с чем ему приходится мириться. Блондинка... Мелани. Она – испытуемый номер Один почему-то, хотя притащил он ее на базу одиннадцатой или двенадцатой. Она чертовски пугает его, и он не может понять почему. Хотя в глубине души, наверное, понимает, но не хочет об этом думать. Во многом это из-за ее обаяния маленькой-хорошей-девочки. Животное вроде нее, даже если оно похоже на человека, должно издавать нечленораздельные звуки или вообще молчать. У него бегут мурашки по телу, как только он видит, что она разговаривает.

Но Паркс солдат. Он знает, как заткнуться и выполнять приказ. На самом деле это его отличительная черта. И он знает, что делает Колдуэлл. Эти дети, по-видимому, из юнкерских семей, в которых одного из родителей укусили и заразили, кажется, имеют частичный иммунитет к голодному патогену. О, они до сих пор едят человеческую плоть. Их реакция на запах живого человека осталась прежней, соответственно – они голодные. Но разум не совсем покинул их головы. Они жили как животные, когда диверсионная группа нашла их, но на базе они реабилитировались, научились ходить, говорить, свистеть, петь, считать до ста и еще много чему.

В это время их мамы и папы развеяны по ветру. Если бы их забрали целой семьей, взрослые превратились бы в обычных голодных с абсолютно разрушенным, переставшим функционировать мозгом.

Дети же застряли на полпути. Так что возможно, они единственная надежда найти вакцину.

Видите? Паркс не дурак. Он знает, что здесь происходит, и тихо и безропотно служит общей цели. Уже четыре года.

Хотя спустя восемнадцать месяцев его должны были сменить.

В этой лодке он не один, и, справедливости ради, Паркс больше переживает за этих людей, чем за себя. Это не смазливые сопли; дело в том, что свои возможности он знает, а их – нет. Под его командованием двадцать восемь мужчин и женщин (не считая людей Колдуэлл, которые не знают о существовании приказа), и чтобы такими малыми силами держать базу в безопасности на случай непредвиденных обстоятельств, нужна постоянная готовность каждого солдата.

А Паркс не уверен и в половине своих подчиненных.

В себе он тоже сомневается, поскольку сержант, проявивший себя как первоклассный полевой командир, вряд ли так же хорошо справится с обязанностями надсмотрщика. Это, скорее, работа для лейтенанта, судя по уставу.

У Паркса свой кодекс, который во многом не совпадает с уставом. Зато помогает держаться на ногах в неординарных ситуациях. Последнее время ему кажется, что такие ситуации лишь сменяют друг друга.

Вот как он чувствует себя сегодня, когда берет отчет Галлахера.

Галлахер К., рядовой, 1097, 24 июля, 17.36

В ходе стандартной зачистки лесной области, что на северо-западе от базы, я стал свидетелем инцидента, который описываю ниже.

Я был приманкой, Девани прикрывал на броневике, Барлоу и Тэн занимались отстрелом голодных. Мы обнаружили большое скопление

голодных на Хитчин-роуд, рядом с кольцевой Эйермен. На них была только кожа да кости, и, казалось, опасности они никакой не представляют.

Мы обосновались в лесу, согласно инструкции, а Девани посадил меня на перекрестке. По приказу капрала Лэнса Тепа я не стал использовать зэд-блокатор.

Я начал двигаться против ветра к голодным и ждал, пока они обнаружат меня. После этого они преследовали меня несколько сотен ярдов по лесу, в стороне от дороги, где я начал...

– Господь уже зарыдал бы, – сказал Паркс, положив отчет на стол. – Что вы еще начали? Просто скажите мне, что произошло, Галлахер. Оставьте эту ерунду для своих мемуаров.

Галлахер покраснел до самых кончиков своих рыжих волос. Его веснушки будто испарились. Многие краснеют, только когда понимают, что облажались, но у Галлахера очень длинный список вещей, которые заставляют его краснеть, как школьницу. В этом списке и грязные шутки, и любое напряжение, чуть большее, чем на параде, и поток контрабандного джина. Не то что вы часто будете видеть его с бутылкой – он предпочитает обходить алкоголь стороной. В отличие от Паркса.

– Сэр, – сказал Галлахер, – голодные были буквально в сантиметре от моей задницы. Я имею в виду, что они были так близко, что я мог почувствовать их запах. Вы знаете, что они источают кисловатый запах, когда серые нити начинают проступать на коже? От него у меня заслезилась глаза.

– Нитевидные обычно не отходят так далеко от городов, – задумчиво пробормотал Паркс, которому эта новость явно не понравилась.

– Вы правы, сэр. Но я уверен в том, что это были они. На двух из них совсем не было лица. Одежда в основном сгнила. Один где-то лишился руки. Не знаю, произошло это в момент заражения или уже после, но они точно не новички в своем гнилом деле. Во всяком случае, я бежал обратно к месту, где залегли Теп и Барлоу, за стеной лесных буков. Это живая изгородь, причем довольно плотная. Нужно правильно выбрать место, где проскочить, чтобы сильно не замедлить бег. И в этих зарослях не разберешь, куда бежать.

Галлахер заколебался и немного вздрогнул. Его воспоминания уперлись в преграду куда более прочную, чем та живая изгородь.

– И что же вы увидели за теми деревьями? – подтолкнул его Паркс.

– Трех парней. Юнкеров. Они просто шли вдоль изгороди с другой стороны, которую было совсем не видно с дороги. В том месте растет ежевика, возможно, они собирали ее. Все, кроме одного, – вожака, как мне показалось, потому что у него одного был бинокль. Все трое были вооружены. У вожака был пистолет, у двух других – мачете. Я вырвался из зарослей в пятидесяти ярдах от них и побежал к ним. – Галлахер грустно покачал головой. – Я кричал им, чтобы бежали, но они не обращали внимания. Парень с пистолетом заметил меня и прицелился. Тут же из зарослей выскочили голодные, прямо за моей спиной, и вожак вроде растерялся. Но эти трое по-прежнему стояли у меня на пути, да и этот псих держал меня на мушке. Выбора не было, и я ринулся на них. Он выстрелил, но не попал. Не знаю, как можно было промазать с такого расстояния. Тогда я с разбегу толкнул его плечом и пустился дальше.

Солдат опять остановился. Паркс ждал, давая ему время собраться с мыслями. Ясно, что он болезненно воспринял этот случай, но это часть работы Паркса – выслушивать иногда исповеди. Галлахер один из самых «зеленых» рядовых. Если он и родился до Катастрофы, то молоко на его губах до сих пор не обсохло. Нужно делать поправку на это.

– Через десять секунд я снова заскочил в заросли, – сказал Галлахер, – и обернулся, но ничего не увидел. Зато услышал крик. Один из юнкеров, скорее всего. Этот страшный вопль

очень долго не прекращался. Я замер. Может, вернуться, подумал я, но тут же прямо за мной выскочил голодный, и мне пришлось ринуться вперед.

Галлахер пожал плечами.

– Мы выполнили задание. Теп и Барлоу установили ловушки прямо на финишной линии. Голодные заскочили в них и застряли в колючей проволоке, тут их и расстреляли.

– Бензин или известка? – спросил Паркс. Он не удержался, потому что говорил Нильсону не использовать бензин для обычных зачисток, но начальник хозснабжения продолжает выписывать по десять галлонов на таинственные нужды.

– Известка, сэр, – обиженно пробормотал Галлахер. – Там яма на дороге, мы ее выкопали еще в апреле. Даже наполовину не заполнили еще. Мы покидали трупы в нее и сверху высыпали три мешка известки, так что даже дождь не повредит им.

Эта чисто рабочая чепуха приободрила Галлахера немного, но он вновь стал мрачным и вернулся к своей собственной истории:

– После того как мы закончили, мы пошли обратно к изгороди. Вожак и один из тех двух лежали на земле, там же, где раньше стояли. Их сильно покусали, но тела продолжали сотрясать конвульсии. Главный внезапно открыл глаза, и я начал осознавать, что... – Галлахер поймал себя на том, что опять скатывается к канцелярскому языку, остановился и начал сначала: – Он плакал кровью – так иногда бывает, когда гниль только попадает в тело. Очевидно, что они оба были заражены.

Паркс бесстрастен. Он уже догадывался, что кульминация близится.

– Вы прикончили их? – намеренно грубо спросил он. – Называйте вещи своими именами.

Нужно заставить Галлахера не видеть в этом ничего личного. Сейчас это ему не поможет, но через некоторое время должно стать легче.

– Барли – рядовой Барлоу – отрубил им головы мачете, что взял у второго.

– Маска и перчатки были надеты?

– Да, сэр.

– Вы забрали их снаряжение?

– Да, сэр. Пистолет был в отличном состоянии, к нему мы нашли сорок патронов в одной сумке. Бинобль немного треснул, если по правде, но у вожака была еще рация. Нильсон считает, что ее можно перенастроить для работы с нашими низкочастотными передатчиками.

Паркс кивает в знак одобрения.

– Вы хорошо выкрутились из сложной ситуации, – сказал он Галлахеру, ни капли не сомневаясь в своих словах. – Если бы вы остановились как вкопанный после того, как выбрались из зарослей, гражданские все равно бы погибли, и скорее всего, утащили бы и вас за собой. Это лучшее, что вы могли сделать.

Галлахер молчал.

– Подумайте, – настаивал Паркс, – эти юнкеры были меньше чем в миле от нашего периметра, вооруженные и с необходимым снаряжением для наблюдения. Как бы там ни было, но это точно не обычная прогулка на свежем воздухе. Вы дерьмово себя чувствуете сейчас, рядовой, но то, что случилось с ними, – не ваша вина. Даже если бы они были белыми и пушистыми (и не наставляли на вас оружие). Юнкеры сами предпочитают жить за оградами и должны понимать все риски, связанные с этим. Иди и напейся. Можешь затеять драку с кем-нибудь. Выжги это изнутри. Но не трать ни одной проклятой секунды ни своего, ни моего времени на чувство вины о такой ерунде. Брось нищему монету и двигайся дальше.

А теперь забудь об этом.

– Есть, сэр.

Рядовой отдал честь. Чаще всего здесь никто так не делает, но это его способ сказать спасибо.

Правда в том, что Галлахер, может, и «зеленый», но далеко не худший из этой равнодушно-убогой толпы солдат, и Паркс не может позволить ему присоединиться к ходячим мертвецам. Если даже парень сам убил юнкеров, срезал с них кожу и сделал из нее воздушный шар в виде таксы, Паркс все равно сделает все возможное, чтобы придать этому бесчинству позитивный оттенок. Потому что его люди здесь – единственно важное для него.

Где-то в глубине он думал: юнкеры? На пороге моего дома?

Как будто ему было больше не о чем беспокоиться.

13

Неделя тянется медленно и неумолимо. Три дня мистера Виттакера подряд погрузили класс в летаргический сон.

Случайно или нет, но сержант держится подальше от Мелани. Его голос по-прежнему кричит транзит по утрам, но когда ее выкатывают из камеры и привозят обратно, самого сержанта не видать. Каждый раз она с нетерпением ждет его появления. Она готова вновь сразиться с ним, сказать, что ненавидит его, и бросить ему вызов, чтобы он опять причинил ей боль в ответ.

Но он не попадает в ее поле зрения, и она вынуждена проглатывать свои желания, как делает крыса или кролик, когда не могут безопасно родить.

Пятница, день мисс Джустин. Как правило, это причина искренней и бурной радости. Но на этот раз Мелани боится и волнуется. Она чуть не съела мисс Джустин. Что делать, если она сердится на нее за это и больше не любит?

Начало урока ни капли не успокоило ее. Мисс Джей пришла грустная и задумчивая, погруженная в себя настолько, что прочесть ее эмоции почти невозможно. Она сказала доброе утро всем сразу, а не каждому ученику в отдельности, как раньше. Никакого зрительного контакта ни с кем.

Большую часть дня она задавала детям односложные вопросы. Потом села за свой стол и начала записывать ответы детей в большой блокнот, пока все решали задачи по математике.

Мелани почти не думала о примерах, которые решила за пару минут. Они были очень простые, большая часть вообще решалась в одно действие. Ее внимание было сосредоточено на мисс Джустин, и, к несчастью, она тихо плакала во время работы.

Мелани отчаянно пыталась придумать, что сказать. Что-то, что могло бы утешить мисс Джу или, по крайней мере, отвлечь от ее горя. Если ее так печалят записи в блокноте, они могут переключиться на что-нибудь попроще и повеселее.

– Может, мы займемся историей, мисс Джустин? – спросила она.

Мисс Джустин, кажется, не услышала. Она продолжала подводить итоги теста.

Кто-то из детей заерзал, кто-то тихо вздохнул (и сказал «ай»). Они видели, что мисс Джустин грустно, и явно считали, что Мелани не стоит ее беспокоить своими корыстными просьбами. Но Мелани не сдается. Она уверена, что класс может сделать мисс Джустин снова счастливой, стоит ей только заговорить с учениками. Ее собственные счастливые времена были всегда на уроках, так почему же они не могут быть счастливыми и для мисс Джустин?

Она попробовала еще раз.

– Не могли бы вы рассказать нам мифы Древней Греции, мисс Джустин? – спросила она громче.

На этот раз мисс Джей услышала. Она оторвалась от своего блокнота и покачала головой.

– Не сегодня, Мелани, – грустно проговорила она. Несколько секунд она удивленно смотрела в класс, не понимая, откуда взялись ученики. – Мне нужно проставить всем оценки, – сказала она.

Но к блокноту она не вернулась и продолжала смотреть на класс, слегка нахмурившись, как будто решала сложный пример и дошла до момента, с которым никак не могла справиться.

– Кого я, черт возьми, обманываю? – спокойно спросила она.

Она вырывает страницу из блокнота, на которой писала все это время. Дети удивлены, но не возражают, – кому какое дело до результатов контрольной? Только Кенни и Эндрю это

заботит, потому что они пытаются обогнать друг друга по оценкам, но это глупо и бесполезно, ведь Мелани лучшая в классе, а Зои на втором месте, так что мальчики сражаются лишь за третье место.

Затем мисс Джей рвет и весь блокнот. Она выдирает по нескольку страниц сразу и рвет на куски, которые потом выбрасывает в мусорную корзину. Но они слишком маленькие и легкие, чтобы лететь прямо. В воздухе они рассыпаются и почти не попадают в корзину. Весь пол теперь в них. Мисс Джустин не против. Она начала разбрасывать их в разные стороны, уже не стараясь попасть в корзину.

Она не стала счастлива, но плакать перестала. Это хороший знак.

– Вы хотите послушать истории? – спросила она у класса.

Все хотят.

Мисс Джустин взяла «Мифы и легенды Древней Греции» с полки и положила перед собой. Она начала с истории про Актеона, которая довольно страшная, потом рассказала про Тесея и Минотавра, а это еще страшнее. По просьбе Мелани она перечитала легенду о Пандоре, хотя все уже ее знали. Хорошее завершение дня.

Когда пришли люди сержанта, мисс Джустин не смотрела на них. Она сидела на углу стола, листая «Мифы и легенды».

– До свидания, мисс Джустин, – сказала Мелани. – Надеюсь скоро вас увидеть.

Мисс Джустин подняла голову и посмотрела на нее. Кажется, она хотела что-то сказать, но один из людей сержанта толчком снял кресло Мелани с тормоза и начал разворачивать. Учительский стол быстро ушел из поля зрения.

– Мне нужен этот еще на секунду, – сказала мисс Джустин. Мелани больше не видела ее, потому что кресло уже развернули, но голос звучал очень громко, как если бы она стояла совсем близко.

– Хорошо, – уныло сказал солдат, как будто ему все равно, чье кресло катить. Он пошел к Гарри.

– Спокойной ночи, Мелани, – сказала мисс Джустин. Но не ушла. Она наклонилась над Мелани, и тень упала на ее руки.

Мелани почувствовала, как что-то твердое и угловатое влезло между ее спиной и спинкой стула. «Наслаждайся, – прошептала мисс Джустин. – Но никому не говори».

Мелани откинулась назад, с силой прижав плечи к спинке кресла. Нечто уперлось в ее спину, абсолютно невидимое. Она понятия не имеет, что это может быть, но это точно положила туда рука мисс Джустин. Она дала ей что-то, только ей.

Она оставалась в таком положении весь путь до камеры и все время, пока ее отстеги-вали. Не пошевелив ни одним мускулом. Она смотрела в пол, боясь встретиться глазами с людьми сержанта, чтобы ненароком не выдать свой секрет.

Только когда они ушли и дверной замок закрылся, она достала посторонний предмет из-за спины, который там покоился, почувствовав сначала его солидный вес, затем прямоугольную форму, и, наконец, прочитав слова на обложке.

«Сказки Музы: Греческие Мифы» Роджера Ланселина Грина.

Мелани сдавленно охнула. Она не смогла сдержаться, хотя понимала, что люди сержанта могут вернуться в камеру, чтобы выяснить, что она делает. Книга! Ее собственная книга! *Эта* книга! Она провела ладонью по обложке, полистала страницы и повертела книгу в руках, чтобы посмотреть на нее со всех сторон. А затем понюхала ее.

Это оказалось ошибкой, потому что книга пахла мисс Джустин. Сначала она почувствовала сильный запах химикатов от ее пальцев, горький и отвратительный, как обычно; но под ним, глубоко-глубоко, чувствовался теплый человеческий запах самой мисс Джустин.

Издевающийся, кричащий голод долго не давал ей покоя. Но он не был даже вполнину таким сильным, как тогда, когда мисс Джей стояла в нескольких сантиметрах от нее, не приняв химического душа. Голод до сих пор пугает ее: тело восстает против рассудка, как будто она – Пандора, желающая открыть ящик, несмотря на то, что ей много раз говорили не делать этого, но она создана так, что не может заставить себя остановиться. В конце концов Мелани привыкла к запаху, как все дети привыкли к запаху химикатов в душе по воскресеньям. Запах не совсем пропал, но бороться с ним стало возможно; он стал невидимым благодаря тому, что совсем не менялся. Голод все утихал, и когда он окончательно прошел, Мелани пришла в себя.

Книга все еще здесь; Мелани читала ее до рассвета, и несмотря на то, что на некоторых словах она спотыкалась и ей приходилось догадываться, что они значат, она была в другом мире.

Она подумает об этом позже – всего день спустя, – после того, как мир, который она знала, развалится.

14

Наступил понедельник и прошел, а список, что просила доктор Колдуэлл, так и не пришел. Джустин не говорила с ней и не отправляла никакой записки. Она даже не объяснила, почему задерживается, и не попросила о дополнительном времени.

Доктор Колдуэлл считает, что ее первоначальная оценка была правильной. Эмоциональная близость Джустин с подопытными мешает ей надлежащим образом исполнять свои обязанности. И с тех пор, как от ее обязанностей зависит работа доктора Колдуэлл, она обязана отнестись к этому крайне серьезно.

Она взяла свою собственную базу данных по испытуемым. С чего начать? Она ищет причины, по которым Офиокордицепс проявил такое сомнительное милосердие в этой горстке случаев. Большинство людей, инфицированных патогеном, почти мгновенно ощущали его эффект. В течение нескольких минут или максимум часов любая чувствительность и самосознание пропадали навсегда. Это происходит еще до того, как нити грибка проникают в ткани головного мозга; его выделения, имитирующие собственные нейротрансмиттеры мозга, делают большую часть грязной работы. Крошечные химические вещества расстраиваются внутри мозга, пока тот не рассыпается на части. Человек превращается в заводную игрушку, которая двигается, только когда Кордицепс поворачивает ключ.

Эти дети были заражены несколько лет назад, но по-прежнему могут думать и говорить. Даже учиться. Их мозг в основном в хорошем состоянии; нити мицелии распространились по нервной ткани, но, кажется, не собираются полностью ее поглощать. В детском теле есть некое вещество, которое задерживает распространение грибка.

Частичный иммунитет.

Если бы она смогла найти этому причину, то была бы, по крайней мере, на полпути к открытию вакцины.

Если думать о проблеме в таком ключе, ответ находится сам собой. Она должна начать с ребенка, который показывает наименьшее ухудшение мозговых функций. С ребенка, который, несмотря на высокую концентрацию грибкового вещества в крови и тканях, продолжает сохранять уровень IQ на невероятно высоком уровне.

Она должна начать с Мелани.

15

Сержант Паркс получает свои заказы и собирается спустить их ниже. Но на самом деле нет никаких причин не сделать все самому. Он удвоил количество зачисток по периметру после того, как услышал печальный рассказ Галлахера, боясь, что юнкеры могут планировать вторжение на базу. Поэтому его люди устали и жаждут отдыха. Плохо дело.

Еще полчаса до начала ежедневного цирка. Как дежурный офицер, он расписывается за ключи от шкафчика безопасности (с оружием). Затем ставит вторую подпись в качестве командира базы. Он берет толстое кольцо с крючка и идет через блок.

Здесь его слух заволокла торжественная увертюра «1812 год». Он выключил эту чепуху. Это была идея Колдуэлл – ставить музыку для подопытных, пока они сидят в своих камерах; музыка успокоит их буйные головы, говорила она. Но они не смогли найти достаточно композиций, и многое из того, что нашли, было не слишком успокаивающим.

В звонкой тишине Паркс подходит к камере Мелани. Она смотрит через зарешеченное окошко на него и машет рукой.

– На выход, – говорит он ей, – садись в кресло. Сейчас же.

Она подчиняется, и он отпирает дверь. Правила требуют, чтобы, когда детей пристегивают и отстегивают, в камере находилось минимум двое солдат, но Паркс уверен, что может сделать это и один. Он положил руку на кобуру, но пистолет не достал. Привычка, формировавшаяся столько дней, сломлена.

Малышка смотрит на него своими большими, почти без век глазами – серые пятна в светло-голубых зрачках напоминают ему о том, кем она является на самом деле, если бы вдруг он об этом забыл.

– Доброе утро, сержант, – говорит она.

– Держи руки на подлокотниках, – отвечает он ей. Это было не обязательно говорить. Она и так не двигается. Только глаза следят за ним, пока он пристегивает ее руки.

– Еще рано, – говорит Мелани. – И вы один.

– Ты отправляешься в лабораторию. Доктор Колдуэлл хочет тебя видеть.

Малышка замирает на несколько мгновений. Паркс пристегивает ноги в этот момент.

– Как Лиам и Марцию, – произносит она наконец.

– Да. Так же.

– Они не вернулись. – Голос ребенка задрожал. Паркс закончил с ногами и не отвечает. Тут, кажется, нечего отвечать. Он выпрямляется, и эти большие голубые глаза поднимаются вместе с ним.

– Я вернусь? – спрашивает Мелани.

– Не мне решать. Спроси доктора Колдуэлл. – Паркс пожимает плечами.

Он заходит за кресло и берет шейный ремешок. Здесь нужно быть осторожным. Она может запросто дотянуться зубами до твоей руки, если ты расслабишься. Паркс собран.

– Я хочу увидеть мисс Джустин, – говорит Мелани.

– Скажи об этом доктору Колдуэлл.

– Пожалуйста, сержант. – Она начинает вертеть головой в самый неподходящий момент, и он вынужден резко убрать руку в сторону, бросив ремень, который застегнут только напололам.

– Смотреть прямо, – рычит он. – Не двигать головой. Ты знаешь, что нельзя так делать! Малышка замирает и продолжает смотреть перед собой.

– Извините меня, – говорит она покорно.

– Не делай так больше.

– Пожалуйста, сержант, – скулит она. – Я хочу увидеть ее перед тем, как вы меня ответе. Она ведь знает, где я. Мы можем подождать? Пока она придет?

– Нет, – говорит Паркс, затянув ремень на шее. – Мы не можем.

Теперь ребенок не угрожает ему, можно расслабиться. Он разворачивает кресло к двери.

– Пожалуйста, Эдди, – быстро говорит Мелани.

Удивление вгоняет его в ступор. Дверь в его груди с грохотом захлопнулась.

– Что? Что ты сейчас сказала?

– Пожалуйста, Эдди. Сержант Паркс. Позвольте мне поговорить с ней.

Маленький монстр разузнал его имя каким-то образом. Она подкрадывается к нему, размахивая именем, как белым флагом. Не собирается причинять вреда. Как будто одна из тех нарисованных дверей внезапно открывается и из-за нее выглядывает призрак. Или ты переворачиваешь камень и видишь, сколько там всяких червяков ползает, и один из них поворачивается к тебе и говорит: «Привет, Эдди!»

Он не может сам себе помочь. Он опускается и сжимает ее горло – так же грубо нарушает правила, как и Джустин, когда гладила это существо, как гребаное домашнее животное.

– Никогда так не делай, – бормочет он сквозь зубы. – Никогда не называй меня по имени.

Ребенок не отвечает. Он понимает, как сильно сдавил ей горло. Наверное, она просто не может ничего сказать. Он убирает руку – она плохо слушается – и кладет ее обратно на ручки кресла.

– Мы отправляемся к доктору Колдуэлл, – говорит Паркс. – Если у тебя есть вопросы – побереги их для нее. И чтобы я больше не слышал ни малейшего писка.

Она замолчала.

16

Но это отчасти благодаря тому, что он сразу покатил кресло по коридору. Стальная дверь была открыта, дальше вверх по лестнице – бац, бац, бац, – все выше и выше.

Для Мелани это было сравнимо с путешествием на паруснике на край света.

Стальная дверь была недостижимым горизонтом всю ее жизнь, с самого начала, как она себя помнит. Она понимает, что родилась не здесь, но это было в очень далеком прошлом, как история в действительно старой книге, написанной на языке, на котором уже никто не говорит.

Это больше похоже на отрывок из Библии, который им читала однажды доктор Селкрик, где Бог создавал мир. Не Зевс, другой Бог.

Шаги. Вертикальное Пространство, которое они преодолевают, похоже на коридор, у которого один конец лежит на чем-то большом. Чем выше они поднимаются, тем слабее становится запах химического спрея, которым был наполнен весь коридор. Звуки снаружи, доносящиеся через неплотно прикрытую дверь.

Воздух. И свет. Сержант спиной открывает дверь и выталкивает ее в день.

Тотальная перегрузка.

Потому что воздух теплый и он дышит, обволакивая кожу Мелани, как живой организм. И свет настолько яркий, будто кто-то окунул весь мир в бочку с нефтью и поджег.

Она жила в пещере Платона, рассматривая тени на стене. Теперь она повернулась лицом к огню.

Из груди Мелани вырвался звук. Болезненный выдох из груди – того темного, влажного места, наполненного запахами горьких химических веществ с привкусом ацетона (от маркеров, которыми пишут на доске).

Она вяло катится вперед. Мир проникает в нее через глаза и уши, язык и кожу. Его слишком много, и он не собирается останавливаться. Она как слив для воды в углу душевой. Даже закрыв глаза, свет все равно проникает в нее сквозь веки, создавая узоры, переливающиеся всеми цветами радуги. Она вновь открывает глаза.

Она терпит, сравнивает и начинает понимать.

Они проходят здания из дерева или блестящего металла, стоящие на бетонном фундаменте. Они все одной формы – прямоугольной и блочной, и в основном одного и того же цвета – темно-зеленого. Никто не пытался сделать их красивыми. Важно понять, каково их предназначение.

То же относится и к большому забору, возвышающемуся где-то на четыре метра над землей и огибающему все постройки, что видит Мелани. Он увенчан колючей проволокой, натянутой под углом примерно в тридцать градусов к бетонным опорам.

Они проходят мимо людей сержанта, которые сопровождают их взглядами, а иногда и поднимают руки, чтобы поприветствовать его. Но они не говорят ни слова и продолжают стоять на месте. Они держат винтовки наготове и следят за оградой и воротами.

Мелани позволяет этим фактам переплетаться и образовывать новые смыслы в точках слияния.

Они заходят в другое здание, где на страже стоят два человека, сержанты. Один из них открывает им дверь. Другой – с рыжими волосами – решительно приветствует.

– Вам помочь, сэр? – спросил он, кивнув на Мелани.

– Если мне что-нибудь понадобится, Галлахер, я сообщу вам об этом, – прорычал сержант.

– Есть, сэр!

Они заходят внутрь, и звук шагов сержанта меняется, становится громче, появляется глухое эхо. Они идут по кафелю. Сержант ждет, и Мелани знает, чего. Это душевая, такая же, как и у них. Химический спрей медленно падает на них с потолка.

Это занимает больше времени, чем душ по воскресеньям. Лейки на самом деле не статичны, они двигаются, скользя вдоль стен по металлическим тропинкам, стараясь обдать каждый дюйм их тел со всех сторон.

Сержант стоит с опущенной головой, глаза его плотно закрыты. Мелани, привыкшая к этой боли, знает, что глаза будет щипать независимо от того, открыты они или закрыты, и продолжает смотреть по сторонам. Она видит в конце душевой стальные жалюзи, через которые они только что вошли. Обыкновенный храповик позволяет им подниматься и опускаться, стоит лишь повернуть переключатель. Это здание может превратиться в крепость и стать изолированным от основной базы. То, что здесь делают, должно быть очень и очень важно.

Все это время Мелани усиленно старается не думать о Марции и Лиаме. Она боится того, что может с ней случиться здесь. Она боится, что не вернется больше ни к своим друзьям, ни к мисс Джустин. Возможно, страх и новизна всего происходящего заставляют ее так внимательно анализировать все, что ее окружает. Она обращает внимание на каждую мелочь, стараясь изо всех сил запомнить все, в особенности маршрут, по которому они сюда пришли. Она должна иметь возможность вернуться назад, если ей в какой-то момент представится такая возможность.

Химический спрей бормочет и затихает. Сержант катит ее дальше через двойную дверь, вдоль коридора, к очередной двери, над которой одиноко горит красная лампочка. Табличка над дверью гласит: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН». Сержант останавливается, нажимает звонок и ждет.

Через несколько секунд дверь открывает доктор Селкрик. Она в своем обычном белом халате, но на руках еще зеленые резиновые перчатки, а вокруг шеи какая-то вещь, похожая на белое хлопковое ожерелье. Она подтягивает его выше, зажав между большим и указательным пальцами. Это оказывается марлевая маска, скрывающая нижнюю часть лица.

– Доброе утро, доктор Селкрик, – говорит Мелани.

Доктор Селкрик на мгновение опускает взгляд на Мелани, не зная, отвечать на это или нет. В итоге решает просто кивнуть. Потом разражается смехом. Наигранный, грустный звук, думает Мелани. Так смеешься, когда ты хотел стереть ошибку в примере и случайно порвал лист.

– Почтальон, – лаконично говорит Паркс. – Где оставить посылку?

– Справа, – говорит доктор Селкрик, ее голос прячется под непросвечивающей маской. – Да. Закатывайте ее. Мы готовы. – Она отходит в сторону и широко открывает дверь, пропуская сержанта.

Эта комната – самое странное место, которое Мелани когда-либо видела. Конечно, она начинает понимать, что видела не так много, но странность этих вещей переходит все границы разумного. Бутылки, и банки, и сосуды, и ящики; поверхности из белой керамики и нержавеющей стали, в которых отражается холодный свет длинных ламп.

Некоторые вещи в банках напоминают человеческие части тела: руки, ноги, головы. Другие – животных. Ближе всего к ней – крыса (она узнала ее, потому что видела картинку в книге), плавающая в прозрачной жидкости головой вниз. Тонкие серые нити – их сотни – вырываются из ее тела и заполняют большую часть банки, переплетаясь между собой вокруг маленького трупа, как будто крыса решила стать осьминогом, но на полпути передумала.

В следующей банке плавают глаз с витиеватыми растяжками нервной ткани позади.

Эти вещи заставляют Мелани выдвигать сумасшедшие предположения. Но она ничего не говорит, продолжая впитывать все.

«Подвезите ее к столу, пожалуйста». Это говорит не доктор Селкрик, это доктор Колдуэлл. Она стоит на рабочем месте на другой стороне комнаты, укладывая блестящие стальные предметы в правильной последовательности. Некоторые из них она поправляет снова и снова, как будто расстояние между ними и угол, под которым они лежат друг к другу, имеет чрезвычайное значение для нее.

– Доброе утро, доктор Колдуэлл, – говорит Мелани.

– Доброе утро, Мелани, – отвечает доктор Колдуэлл. – Добро пожаловать в мою лабораторию. Самую важную комнату на этой базе.

С помощью доктора Селкрик сержант перетаскивает Мелани из ее кресла и кладет на высокий стол в центре комнаты. Это сложный маневр. Сначала отстегивают руки и надевают наручники. Потом ноги, и пристегивают к железной пластине. И наконец, отстегивают шею и поднимают на стол. С этим никаких проблем не возникает, так как она почти ничего не весит.

После того как ее посадили на стол, доктор Селкрик тщательно пристегивает ее ноги специальными ремнями безопасности, так что она не может ими пошевелить. Металлическая пластина больше не нужна, и ее снимают.

– Ложись, Мелани, – говорит доктор Колдуэлл, – и вытяни руки.

Женщины держат ее руки и, как только сержант снимает наручники, осторожно кладут их на стол и также пристегивают ремнями. Доктор Колдуэлл затягивает их.

Мелани теперь совершенно неподвижна, не считая головы. Она благодарна, что нет шейного ремешка, как на кресле.

– Я вам еще нужен? – спрашивает сержант у доктора Колдуэлл.

– Определенно нет.

Сержант выкатывает кресло за дверь. Мелани все правильно прочла и поняла. Кресло ей больше не понадобится. В камеру она не вернется. Сказки Музы лежат там под матрасом, и она сокрушается, понимая, что может никогда больше их не увидеть. Эти страницы, которые пахнут мисс Джустин, возможно, навсегда останутся недостижимо далеки.

Она хочет попросить сержанта остаться ненадолго, чтобы он передал мисс Джей сообщение от нее. Но не может вымолвить ни слова. Страхи толпятся в ней. Она в незнакомом месте и боится, что неопределенное будущее наступило ее, когда она не была готова к нему. Она хочет, чтобы ее будущее было таким же, как и прошлое, но понимает, что это невозможно. Осознание этого сидит камнем в ее желудке.

Сержант захлопывает за собой дверь. Две женщины начинают раздевать ее.

Ножницами они разрезают ее хлопковую униформу.

17

Хелен Джустин шла по коридору в класс, когда впервые почувствовала, что что-то не так. Она заглянула в окошко камеры Мелани, но не обнаружила ее там.

Открыв класс, она встала у доски, наблюдая, как детей закатывают одного за другим. Она приветствовала каждого по очереди. Двадцатой по счету (который был двадцать первым, пока не забрали Марцию) должна была появиться Мелани, но привезли Энн. Один из солдат невозмутимо вкатил ее в класс и тут же направился к двери.

– Подождите, – сказала Джустин.

Рядовой остановился и развернулся к ней лицом с минимальной вежливостью (минимально допустимой в его положении):

– Да, мисс?

– Где Мелани?

Он пожал плечами.

– Одна камера была пуста, – спокойно сказал он. – Я зашел в следующую. Что-то не так?

Джустин не ответила. Она оставила класс и вышла в коридор, направляясь к камере Мелани. Дверь открыта, на кровати и в кресле никого.

Дурное предчувствие не оставляет ее. Солдат за ее спиной спрашивает еще раз, в чем проблема. Она игнорирует вопрос и бросается к лестнице.

Наверху стоит сержант Паркс и очень тихо разговаривает с тремя солдатами, которые выглядят сильно напуганными. В другой раз Джустин не стала бы их прерывать или хотя бы подождала, пока сержант закончит говорить. Но сейчас не тот случай – она грубо их прерывает.

– Сержант, Мелани перевели в другую камеру?

Паркс видел, как она поднимается, но сделал вид, что только сейчас узнал ее.

– Мне очень жаль, мисс Джустин, – сказал он. – У нас чрезвычайная ситуация. Потенциально. Мы обнаружили большую толпу голодных вблизи базы.

– Куда ее перевели? – повторила Джустин.

– Вы должны вернуться в класс. Обсудим этот вопрос, как только... – снова пытается сержант Паркс.

– Просто ответьте мне. Где она?

Паркс опустил голову и исподлобья взглянул на нее.

– Доктор Колдуэлл попросила отправить ее в лабораторию.

Сердце Джустин замерло.

– И вы... вы забрали ее? – глупо переспросила она.

Он кивнул.

– Около получаса назад. Я непременно сообщил бы вам, но уроки еще не начались и я не знал, где вы.

Она должна была догадаться сразу, как только увидела пустую камеру. После того как он это сказал, все стало настолько очевидно, что она проклинала себя за бесцельно потраченные драгоценные минуты. Она бегом бросается к лаборатории. Паркс кричит ей – что-то о необходимости попасть внутрь, – но с ним она разберется позже.

Если она опоздает, весь этот гребанный мир потеряет свой смысл.

18

Руки двух женщин скользят по телу Мелани, тщательно намыливая каждый сантиметр дезинфицирующим мылом, от которого пахнет так же, как и от спрея в душевой. Она неподвижно лежит, в то время как мысли ее с невероятной скоростью толкуются на месте.

– Вам нравится учиться, Мелани? – спрашивает ее доктор Колдуэлл. Доктор Селкрик испуганно поднимает на нее взгляд.

– Да, – осторожно отвечает Мелани.

Когда они заканчивают ее мыть, доктор Колдуэлл берет какой-то инструмент размером с мелок, которым учителя рисуют на доске. Она надавливает на него, и он начинает петь в ее руке. Она ставит его напротив головы Мелани, очертив ее короткими прямыми штрихами. Прибор начинает посылать вибрации в ее череп прямо через кожу.

Мелани хочет спросить, что это такое, но потом замечает, как доктор Селкрик зачесывает ее волосы и складывает их в пластиковый лоток.

Доктор Колдуэлл основательно прощупывает голову Мелани, причем делает это дважды. Во второй раз нажимая сильнее, отчего становится даже немного больно. Доктор Селкрик в это время под корень срезает непослушные пряди волос Мелани. Затем тщательно вытирает руки влажным полотенцем, взятым из специального автомата, висящего на стене.

Доктор Колдуэлл наносит на голый череп Мелани ярко-синий гель из пластиковой банки, на которой написано «Бактерицидный гель Е 2Д». Мелани пытается представить, как она сейчас выглядит, с лысой синей головой. По идее, она похожа на воина пиктов. Мистер Виттакер показывал им однажды картинки с пиктами, его голос в тот момент дрожал, а слова куда-то пропадали, не успевая до конца вырваться из него. Над фразой «Картины пиктов» он смеялся уж слишком долго. Но Мелани запомнила, что если кто-то шел в бой без оружия, пикты называли его нагим. Мелани почти никогда не была голой. И сейчас ей это совсем не нравится; она чувствует стыд и собственную уязвимость.

– Я не хочу, – говорит она.

– Чего ты не хочешь? – спросила доктор Колдуэлл, опустив щетку и вытирая руки о свой белый халат, на котором оставались небесно-голубые линии.

– Мне не нравится учиться. Я хочу вернуться в класс, пожалуйста.

Доктор Колдуэлл впервые смотрит ей в глаза.

– Я боюсь, это невозможно, – говорит она. – Закрой глаза, Мелани.

– Нет, – отвечает Мелани. Она уверена, что если подчинится, доктор Колдуэлл сделает с ней что-то плохое. И это плохое будет очень больно.

Внезапно, как будто увидев источник оптической иллюзии, она понимает, что будет дальше. Ее разрежут на части и положат их в банки (как и части других людей, которые здесь повсюду).

Она бросает все свои силы на борьбу с ремнями, отчаянно борется, но они и не думают поддаваться.

– Может, мы попробуем изофлуран? – спрашивает доктор Селкрик. Ее голос дрожит. Она, кажется, вот-вот заплачет.

– Они не реагируют на него, – отвечает доктор Колдуэлл. – Вы знаете это. Я не собираюсь тратить один из наших последних баллонов с общим наркозом только для того, чтобы вызвать сонливость у подопытного. Пожалуйста, не забывайте, доктор, что испытуемый лишь выглядит как ребенок, на самом деле это грибковая колония, захватившая тело ребенка. Здесь не место для сантиментов.

– Да, – соглашается доктор Селкрик. – Я знаю.

Она поднимает нож, каких Мелани никогда не видела. У него очень длинная ручка и очень короткий клинок, а лезвие настолько тонкое, что сбоку кажется невидимым. Она подает его доктору Колдуэлл.

– Я хочу вернуться в класс, – тихо повторяет Мелани.

Нож выскальзывает из рук доктора Селкрик и падает на пол за секунду до того, как доктор Колдуэлл могла бы его взять. Раздается звон, а потом еще и еще – нож скачет по полу.

– Прошу прощения, прошу прощения, – визжит доктор Селкрик. Она наклоняется, чтобы поднять нож, колеблется, снова встает и берет другой инструмент из лотка. Протягивая его доктору Колдуэлл, она вздрагивает от ее взгляда.

– Если вас беспокоит шум, я могу выключить расширитель, – говорит доктор Колдуэлл. После этих слов она подносит холодное лезвие ножа к горлу Мелани.

– Это будет последнее, мать твою, что ты сделаешь в своей жизни, – раздается голос мисс Джустин.

Две женщины замирают и оборачиваются на дверь. Мелани сначала не может, потому что если она поднимет голову, она перережет себе горло. Но доктор Колдуэлл медленно отводит руку, давая ей возможность шевелить головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.